

Слуга смерти

Автор:

Майкл Маршалл

Слуга смерти

Майкл Маршалл

Звезды мирового детектива Соломенные люди #2

Уорд Хопкинс, бывший агент ЦРУ, в погоне за «соломенными людьми» застаёт среди лесистых каньонов в окрестностях городка Якима, штат Вашингтон, жуткую по жестокости картину: тело мужчины, привязанное к металлическому шесту таким образом, что кажется, он шагает к определенному месту. Далее обнаруживается еще один труп, а невдалеке от него – хижина, полная мертвых тел. Уорд понимает, что время пассивных действий прошло и настала пора перейти к активным поискам тайного дирижера всей этой кровавой симфонии...

Майкл Маршалл

Слуга смерти

Michael Marshall

The Upright Man

© 2004 by Michael Marshall Smith

© К. П. Плешков, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Моему отцу

Якима

Мы встретились на автостоянке возле торгового центра в Якиме, маленьком городке в центральной части штата Вашингтон. В нем есть все, чему полагается быть в подобного рода населенных пунктах, – во всяком случае, имеется торговый центр, из тех, куда можно прийти за покупками, а потом забыть о том, что происходит снаружи и даже где вообще находишься. За три часа в двери торгового центра вошли лишь два человека, подростки в футболках с длинным рукавом, ни один из которых не походил на обладателя суммы, способной озолотить данное заведение. Вскоре они снова вышли, с пустыми руками. Огромные холщовые плакаты вдоль третьего этажа объявляли о сдаче площадей в аренду по сногшибательным ценам. Большое угловое помещение на первом этаже пустовало, что никогда не предвещает ничего хорошего.

Я сидел в машине, потягивая кофе, который купил в «Сиэтлс бест» через дорогу. Кофейня, похоже, была единственным предприятием на этой улице, верившим в собственные силы; остальные выглядели так, словно объявление о сдаче в аренду было для них последней надеждой заработать хоть немного перед тем, как случится неизбежное. Пока я ждал, мне казалось, будто я почти вижу сидящего где-то мэра, который барабанит пальцами по большому полированному столу, тихо сходя с ума при виде погруженного в дремоту городка. Город наверняка выжил бы – даже в этой мертвой зоне есть нуждающиеся в парочке пивных или очередной забегаловке типа «Бургер кинг», – но казалось крайне маловероятным, чтобы кто-то смог здесь разбогатеть. С подобными целями следовало отправляться на север, в Сиэтл,

или на юг, в Портленд. Что можно делать в Якиме – я не имел ни малейшего понятия.

Наконец появился Джон Зандт, в большом красном пикапе производства компании «Дженерал моторс», грязном и отнюдь не новом. Правая сторона выглядела так, словно машину таранило небольшое стадо коров, едва не добившись успеха. Он объехал небольшую парковку, поравнявшись с моим новеньким «фордом», и мы опустили стекла. Было холодно.

– Привет, Уорд. Ты что, специально просил напрокат именно такую тачку? – сказал он. – Хорошо хоть не потребовал написать краской на борту «Мы не местные».

– Ты невероятно опоздал, – ответил я. – Так что пошел к черту. В моей конторе подобных дерьмовозов не оказалось. Это тебе, судя по всему, повезло.

– Я его спер со стоянки в аэропорту, – признался он. – Ладно, поехали.

Я вышел из машины, оставив ключи в замке и надеясь, что контора Герца примирится с потерей, как уже не раз бывало. Ни они, ни кто-либо другой не мог отследить меня по удостоверению, которым я воспользовался в Спокейне. Забравшись в пикап, я увидел два лежащих на полу пистолета. Подняв один, я осмотрел его и сунул в карман.

– Далеко ехать?

– Примерно час, – ответил Зандт. – А потом придется идти пешком.

Он выехал со стоянки и направился вдоль улицы, мимо серого здания нового торгового центра, обрекавшего на еще большее прозябание тот, который я видел до этого. Впрочем, и он не выглядел особо процветающим. Свернув направо на шоссе 82, мы проехали через пригород под названием Юнион-Гэп, затем мимо зданий вдоль дороги, и наконец не осталось ничего, кроме самой дороги. Возле Топпениша Зандт круто свернул на юго-запад по шоссе номер 97. Больше населенных пунктов нам не встречалось вплоть до небольшого городка Голдендейл в пятидесяти милях дальше. Еще двадцать миль отделяло нас от одного из самых непривлекательных участков реки Колумбии, вверх по течению от плотины Даллес.

Благодаря тому что прошлый вечер я провел с разговорчивым барменом «Руни Лаундж» – подобии бара в самом большом отеле Якимы, я знал, что сейчас мы находимся на территории резервации племени якама и по обе стороны дороги на протяжении восьмидесяти миль нет ничего, кроме нескольких маленьких индейских поселений на севере. Я также знал, что место, ныне называвшееся Юнион-Гэп, раньше носило имя Якима, пока железнодорожная компания не вынудила индейцев перенести свою столицу на пять миль к северу, преодолев их сопротивление с помощью взяток, в конце концов расколовших племя, что не удавалось до этого ни голоду, ни холодным зимами. И еще я знал, что чуть выше по течению от плотины Даллес когда-то грохотал водопад Селило, священный бурлящий водный поток, где люди в течение десятков тысяч лет добывали лосося. Теперь он смолк, похороненный под вспучившимися водами дамбы. Некоторое время назад индейцам была выплачена компенсация, но якама все еще ждали, что их потеря будет восполнена неким более существенным образом. Похоже было, что ждать им придется долго, возможно до окончания времен.

Как и большинство людей, я толком не знал, что делать со всеми этими сведениями. Бармен был индейцем, но его короткие светлые волосы торчали во все стороны, словно у поп-звезды восьмидесятых, и на лице было слишком много косметики. Как к подобному относиться – я тоже не знал.

К приборной панели машины Зандта была приклеена липкой лентой карта с потрепанными краями и заляпанная сальными пятнами, словно она немалое время провела в чьих-то карманах и жирных руках. Маленький крестик отмечал центр большого пустого участка возле извилистой голубой линии под названием Сухой ручей.

– Откуда сведения?

– Из разговора, записанного по одной из фэбээровских «линий доверия». Вроде бы ничего особенного – парень был сильно пьян и изъяснялся не слишком членораздельно, но Нина выудила его из общей кучи.

– Почему?

– Потому что то, о чем он говорил, выходило далеко за рамки обычного, а она знает, что подобное вовсе не означает, что это неправда.

– И как же ты его нашел?

– Эти телефонные звонки вовсе не столь анонимны, как о том заявляет ФБР. Нина определила, что звонок сделан из бара в Южной Дакоте. Я поехал туда и подождал, пока нужный человек не появится снова. Для него это вовсе не оказалось неожиданностью.

– И?..

– Информатора зовут Джозеф. Он вырос в Харре, поселке в нескольких милях к западу от Якимы. Ты знаешь, что это территория резервации?

– Для чего-либо иного тут чересчур уныло. Мы настолько добры к этим ребятам, что даже странно, почему они так нас не любят.

– Они здесь жили, Уорд. И не наша вина, что тут теперь почти как на Луне. Джозеф был в гостях у родных и неделю назад отправился прогуляться в лес. Прогулка оказалась долгой – в итоге он провел там несколько суток. Должен заметить, что, судя по его внешности, Джозеф постоянно и помногу пьет. Вены у него тоже выглядят нелучшим образом. Однако он вполне уверенно описал место, где побывал.

– Почему он просто не обратился в полицию?

– Не думаю, что с местными копами у него самые лучшие отношения. Именно поэтому он и оказался в Южной Дакоте.

– И что, он увидел твою новую симпатичную бородку и решил с ходу тебе довериться?

Зандт отвернулся:

– Я надеялся, что ты не заметишь.

– Уверяю тебя, заметил. И даже не начал отпускать по этому поводу шуточки.

– Нине она нравится.

– Кожаные сумочки ей тоже, вероятно, нравятся. Но это же не значит, что ты должен носить такую на голове. Так где сейчас этот Джозеф?

– Исчез. У него теперь в кармане двести долларов, и я не думаю, что он станет с кем-то еще разговаривать. Он и так уже не на шутку перепугался: ему почудилось, будто он видел привидение или что-то в этом роде.

Зандт покачал головой, словно подобное казалось ему чересчур большой глупостью, чтобы тратить на нее слова.

Я отвернулся, прежде чем он успел увидеть выражение моего лица.

Примерно через полчаса после того, как мы миновали Топпениш, мне стало казаться, будто мы и в самом деле на другой планете. Возможно, когда-то и имело смысл сюда приезжать, но теперь – никакого. Здесь не было деревьев, лишь остроконечные холмы, неглубокие каньоны и небольшие островки растительности среди остатков прошлогоднего снега. Серо-коричневые камни напоминали равнодушную акварель, висящую на стене в коридоре. Небо посерело, и облака опустились на холмы и долины подобно белому мху. Единственным, что притягивало взгляд, оставалась дорога.

Зандт постоянно посматривал на часы. Еще через десять миль он сбавил скорость, озираясь по сторонам. Наконец он увидел то, что искал, и съехал на обочину.

– Попробуем подобраться как можно ближе.

Он свернул на неширокую дорожку, которую я даже не заметил. Некоторое время мы подпрыгивали на ухабах, двигаясь вниз по склону холма, пока не оказались ниже уровня шоссе. Похоже было, что здесь никто не проезжал уже очень давно. Через полмили спуск стал круче, и я вцепился в сиденье обеими руками.

Удостоверившись, что нас не видно с дороги, Зандт остановил машину и вышел. Я тоже. Было очень тихо.

Я огляделся по сторонам:

- Здесь?

- Нет, но остальной путь придется пройти пешком.

- Никогда не любил пеших прогулок.

- И почему я не удивлен?

Он достал из кармана нечто вроде электронной записной книжки с плоской крышкой.

- GPS-навигатор?

Он кивнул:

- Мне бы не хотелось заблудиться.

Отметив положение пикапа, он направился вверх по склону. Вид вокруг ничем не отличался от того, что мы наблюдали уже полдня, если не считать отсутствия шоссе.

- Пошли.

Мы двинулись по тропинке, которая огибала холм сзади, а затем уходила в никуда. За холмом оказался еще один, дальний склон которого вел в неглубокий каньон. Мы спустились туда, окутанные туманом, и поднялись с другой стороны. Дальше на некотором протяжении местность была ровной – ни единого дерева и твердая каменистая голая почва с редкими клочками желтоватой травы и бледными сине-зелеными кустами. Звук шагов напоминал хруст чипсов, если их жевать с закрытым ртом.

Зандт пнул очередной куст:

– Что это за хрень?

– Судя по всему, полынь. Хотя, честно говоря, я ни черта не знаю о высокогорной флоре.

– Чертовски тяжело идти.

– Это уж точно.

Туман продолжал сгущаться, и вскоре дальше тридцати ярдов ничего было не увидеть. Джон то и дело консультировался со своей электронной штуковиной, но, похоже, в этих местах понятия направления не существовало вообще. Воздух был сухим и холодным – холод хоть и не пронизывал до костей, но заставлял зябко поеживаться. Я попытался представить себе живших здесь когда-то людей, которые никогда не знали иной погоды, но не смог. Впрочем, в любом случае это наверняка было очень давно. Местность выглядела так, словно не желала, чтобы ее кто-либо когда-либо снова беспокоил.

Какое-то время спустя я посмотрел на часы. Был пятый час, и начинало смеркаться. Коварный ветер усилился. Медленно тускнеющее в тумане солнце напоминало серебряную монету.

– Знаю, – сказал Джон, прежде чем я успел произнести хоть слово. – Отметка на карте – все, что у нас есть. Мы на месте или где-то рядом.

– Мы вообще нигде, – ответил я. – Никогда не видел подобного за всю свою жизнь.

Тем не менее мы продолжали идти. Туман сгущался, превращаясь в серое покрывало, в котором то и дело возникали странные полости, светившиеся в лучах солнца золотистым сиянием. Оказалось, что мы идем вдоль низкого гребня, у подножия еще одного холма, возвышавшегося, словно серо-зеленая дюна в десяти ярдах правее; край каньона остался слева.

Особых результатов пока заметно не было, но я молчал. Так или иначе, ничего другого мне не оставалось.

Наконец Джон остановился.

- Черт возьми, - пробормотал он.

Он явно был раздражен, хотя мне не в чем было его винить. Судя по темным кругам под глазами, в последнее время он почти не спал. Я надеялся, что его информатору хватило ума какое-то время не возвращаться в тот бар в Южной Дакоте.

- В твоей штуковине есть подсветка?

- Конечно.

- Тогда у нас еще есть время.

Я снова двинулся с места.

Он не пошевелился.

- Уорд, не думаю, что это того стоит. Даже по прямой до шоссе идти сорок минут, может быть и больше. Мы обошли весь район, отмеченный на карте.

Я повернулся:

- А когда он сделал эту отметку? Где это было?

- В баре.

Всего лишь с расстояния в несколько ярдов голос Зандта звучал так, словно ему приходилось пробивать себе путь сквозь туман.

– Вот именно. Другими словами, неделю назад и за много сотен миль отсюда. Насколько он был тогда пьян?

– Он сказал, что вполне уверен.

– Вероятно, он точно так же был уверен, что сможет удержать стакан. Ты мог положиться на слова свидетеля хоть раз, когда служил в полиции?

– Нет, конечно, – бросил он и, достав мобильник, уставился на него. – Нет сигнала. Мы далеко зашли, Уорд.

– Во всех отношениях. Но... – Я замолчал, чувствуя, будто весь мир вдруг сместился в сторону. – Что это, черт возьми?

Он шагнул ко мне, и мы встали плечом к плечу. Потом он увидел то же, что и я.

– Господи...

Чуть впереди нас шел человек, очертания фигуры которого выглядели слегка размытыми в тумане. Он был одет в серый деловой костюм и черные туфли, совершенно неуместные для здешних мест. Полы его пиджака негромко хлопали на ветру. У него был целеустремленный вид, словно он направлялся во вполне конкретное место. Но, несмотря на это, он никуда не двигался.

Шагнув вперед, я потянулся к пистолету, но передумал. Потом, немного поразмыслив, все же достал оружие.

Слегка разделившись, мы подошли к идущему.

На вид ему было за пятьдесят. Седые волосы когда-то были хорошо подстрижены, сейчас же они просто прилипли к голове. Руки и лицо выглядели весьма малопривлекательно. Когда-то белые, теперь они окрасились в разные оттенки синего и ярко-розового, местами переходившего в некий пурпурно-коричневый цвет, для которого я не знал названия. Шею пересекал неровный разрез до самого левого уха, от которого ножом был отхвачен кусок. Отсутствовала и верхняя губа. От него пахло, но запах не казался невыносимым благодаря очень холодному и сухому воздуху.

Теперь, когда мы подошли ближе, все стало выглядеть чуть более прозаично. Перед нами был уже больше не призрак, а просто труп. При виде трупа начинаешь всего лишь сомневаться в мире и живущих в нем людях. При виде призрака начинаешь сомневаться во всем, и у тебя возникает множество вопросов, на которые нет ответов, а в утешительные обещания, что сам себе даешь, не веришь и даже не до конца их понимаешь.

Зандт обошел тело сзади, достал свой наладонник-компьютер и, поднеся его к лицу мертвеца, начал делать снимки.

– Смотри, – сказал он.

Я обошел труп, инстинктивно стараясь держаться от него подальше, словно опасаясь, что он снова начнет двигаться, продолжая свой путь через равнину. В землю позади него был вбит металлический шест длиной футов пять и толщиной дюйма два. Труп был привязан к шесту так, чтобы создавалась иллюзия, будто мертвец куда-то идет. Со временем тело бы упало, одежда истлела, а шест проржавел.

– Господи, – выдохнул я.

Зандт лишь кивнул, очевидно не испытывая желания осматривать труп внимательно. Он обшарил карманы его пиджака и брюк, но ничего там не обнаружил.

Я отошел чуть назад. Туман немного рассеялся, и можно было увидеть, что положение тела выбрано не случайно. Холм скрывал его так, что заметить мертвеца можно было, лишь оказавшись именно здесь, на этом месте, где не было никаких причин появляться хоть одной живой душе.

Зандт окинул взглядом равнину, насколько позволял туман.

– Он говорил, что их двое.

– Прекрасно. Есть чего ожидать.

– Он не сказал, где именно.

Я кивнул в сторону «идущего»:

– Судя по всему, он куда-то направляется.

Мы двинулись в ту сторону и ярдов через пятьдесят скорее почувствовали, чем увидели, край еще одного каньона. А потом нашему взору предстало еще кое-что.

Она сидела на самом краю – женщина примерно того же возраста, что и «идуший» мужчина, но, учитывая состояние ее кожи, точно определить это было сложно. Ее локти покоились на коленях, а подбородок опирался на сложенные руки. Поза выглядела вполне естественной, судя по всему, ее придали телу еще до того, как оно успело окоченеть. Единственное, что нарушало картину, – волосы, торчавшие во все стороны седыми пучками. Казалось, будто ее обнаружили вороны и начали делать свое дело, а потом бросили. Возможно, даже для стервятников есть предел. Теперь же она просто сидела и смотрела в никуда пустыми ввалившимися глазами.

Она была похожа на... я не знал, на что она была похожа. Мне в самом деле не с чем было сравнивать. Я отвернулся, как будто боясь, что она может повернуться и посмотреть на меня. И тогда пути назад для меня бы уже не было.

Зандт сделал лишь два снимка, затем отметил координаты.

– Ладно, – тихо сказал он. – Пошли отсюда.

Я последовал за ним, не вполне сознавая, что я сейчас чувствую и что вообще полагается чувствовать после такого. Но нечто ощущалось, только что?

Остановившись, я снова посмотрел на нее. Что-то казалось мне странным в ее позе.

– Уорд, давай выбираться. Скоро совсем стемнеет.

Не обращая на него внимания, я подошел к женщине и, присев, посмотрел туда же, куда смотрела она. Голова ее была наклонена чуть вперед, словно взгляд устремлялся вниз, в каньон.

Мне хотелось вернуться назад к машине не меньше, чем Зандту. «Руни Лаундж» казался мне в данный момент не таким уж и плохим заведением. И даже торговый центр Якимы, на крайний случай.

Спускаться в каньон было нелегко. Вначале я двигался лицом вперед, но вскоре пришлось повернуться и помогать себе руками. Я услышал сверху, как Зандт выругался, а затем двинулся следом за мной, к счастью, в нескольких ярдах правее, так что камни падали от меня достаточно далеко.

Добравшись до дна каньона, я сперва не увидел ничего особенного. Та же местность, что и наверху, лишь чуть более каменистая, с более густой растительностью и несколькими низкорослыми деревцами. Туман понемногу рассеивался, по мере того как небо делалось все более темным.

Потом я увидел впереди еще один проход, высохшее русло небольшого ручья. Пройдя немного вдоль него, я, к своему удивлению, обнаружил, что оно расширяется, превращаясь в открытую площадку. Когда появился Зандт, я все еще стоял на ее краю, глядя на приземистый силуэт, скрытый под скальным выступом.

Сначала трудно было понять, что это такое.

Потом стало видно, что это угол небольшого строения, прижавшегося к краю каньона.

Мы подошли к зданию, держась на расстоянии три ярда друг от друга. Стало ясно, что это очень старая хижина еще времен первопоселенцев, сложенная из больших кусков дерева, основательно выветрившегося, но на сером фоне местами до сих пор виднелись коричневые пятна. Окна изнутри были заколочены ветхими ставнями, но явно уже в более позднее время. Дверь заперта на висячий замок, отнюдь не выглядевший старым. Кто-то прошелся по двери топором или лопатой, но довольно давно. Среди царапин виднелись очертания, напоминавшие буквы.

Держа пистолет наготове, Зандт другой рукой сделал несколько снимков. Окна. Стены. Дверь.

Убрав наладонник в карман, он посмотрел на меня. Я кивнул.

Шагнув вперед, я пинком выбил дверь и отскочил в сторону. Зандт стоял позади меня, подняв пистолет.

Проскользнув внутрь, я метнулся вправо, прикрываясь дверью. Из-за заколоченных окон внутри было темно, но сквозь дверной проем падало более чем достаточно света, чтобы у меня встали дыбом волосы.

Хижина была полна мертвецов.

Трое сидели в ряд на скамье, прислонившись к задней стене. Один уже превратился в скелет, двое других почернели и выглядели просто ужасно. У одного не было рук, у второго лопнул живот. Остальные тела были сложены в небольшую грудку по другую сторону, и еще по крайней мере двое лежали у передней стены. Судя по их состоянию, все они умерли достаточно давно. С костей некоторых свисали лишь ошметки кожи и иссохшей плоти. Из дыры в макушке одного из черепов торчала верхняя половина пластмассовой куклы, волосы которой стали серыми от пыли.

По мере того как глаза привыкали к полумраку, я начал различать все больше и больше человеческих останков, сложенных в небольшую аккуратную кучку у стены слева. Пошевелив ее ботинком, я увидел под ней толстый слой костей, часть которых уже превратилась в пыль.

Мы стояли, опустив руки и моргая. Здесь никто не мог причинить нам вреда.

Зандт откашлялся.

– Кто это сделал? Они?

– «Соломенные люди»? Возможно. Но некоторые здесь уже очень, очень давно.

Зандт хотел перевернуть все вверх дном, но один лишь взгляд сказал мне, что искать нечего. Тому, кто убивал этих людей, незачем было спешить. К тому же мне просто не хотелось здесь оставаться. Вообще. Чем дольше я стоял посреди хижины, тем больше мне казалось, что она медленно дышит, и от ее тошнотворного дыхания становилось не по себе. Хотелось выйти наружу.

Пятясь, я шагнул через порог, глядя на стены хижины. Теперь меня уже меньше удивляло, что часть дерева осталась коричневой. Казалось, будто немалое количество зла впиталось в эти стены, поддерживая их влажными и живыми. Что бы здесь ни происходило – это длилось в течение долгого времени. К этому приложил руку не один человек, возможно, даже не одно поколение. Что это – лишь место, куда складывали трупы, или же их молчаливое присутствие, их позы должны были свидетельствовать о чем-то ином? Я представил себе всю страну в целом, со всеми ее обширными безлюдными пространствами, и подумал, является ли это место единственным.

Зандт тоже вышел, но внезапно остановился, глядя куда-то над моим плечом.

Я повернулся и увидел, куда он смотрит. Тело находилось в двадцати футах от нас, на другой стороне каньона, расположенное таким образом, чтобы его можно было увидеть, выйдя из хижины.

Я подошел ближе. Это тело было куда более свежим. Однако ему не была придана какая-либо поза, подобно паре там, на равнине, – оно просто валялось на земле, раскинув руки и подогнув одну ногу. К его груди было пришпилено что-то коричневое, прямо посередине, там, где не заметить было просто невозможно, не похожее ни на что из того, что я видел прежде, но, судя по неестественной пустоте в разинutom рту трупа, не оставалось никаких сомнений в том, что это такое.

– Это тот самый тип? Джозеф?

Зандту незачем было отвечать.

Путь назад к машине показался нам очень долгим. За все время, пока мы ехали берегом Колумбии на юг, в сторону Портленда, никто не произнес ни слова.

В аэропорту мы взяли билеты на разные рейсы. В следующий раз мы встретились лишь через месяц, в течение которого слишком многое успело измениться.

Часть первая. Холодные пристанища

Я с миром враждовал, как мир – со мной.

Но, несмотря на опыт, верю снова,

Что Правда есть.

Лорд Байрон. Паломничество Чайльд-Гарольда (Перевод В. Левика)

Глава 1

С дороги никогда не оказывается подходящего съезда, когда он тебе нужен. Ты едешь по шоссе, вдоль обеих сторон которого тянется лес, без особого труда преодолевая пологие подъемы и впадины; меж рядами берез открывается столь прекрасный заснеженный пейзаж, что ты его даже не замечаешь, думая лишь о том, что за следующим поворотом обязательно найдется место, где можно остановиться. Но по какой-то причине такового не оказывается. Тебе уже начинает казаться странным, что в этот облачный январский вторник ты вдруг очутился один на дороге, где никого нет, вероятно, на протяжении пяти миль в обоих направлениях. Машину можно просто оставить на обочине, но это кажется не вполне правильным, хотя взята она напрокат и тебя с ней ничего не связывает, кроме того, что это последний автомобиль из всех, за рулем которых ты когда-либо сидел, и тебе не хочется бросать ее просто так.

Дело вовсе не в том, что ты чересчур сентиментален, даже не в том, что ты не хочешь, чтобы кто-то ее увидел и, подумав, что случилось какое-то несчастье, занялся расследованием. Все дело лишь в аккуратности. Ты хочешь, чтобы машина была должным образом припаркована. Сейчас это кажется тебе крайне важным, но остановиться негде. Собственно, вот в чем проблема, вдруг понимаешь ты, – в том, что жизнь лишена всякого смысла. Негде остановиться и передохнуть, даже когда по-настоящему в этом нуждаешься. Порой даже нет необходимости что-то переосмысливать или думать о будущем. Хочется всего лишь...

Черт побери – вот оно.

Том вдавил педаль на три секунды позже, чем нужно, и слишком резко. Машину занесло, она проскользнула футов тридцать, виляя задом, пока не остановилась, перегородив обе полосы, словно поставленная на дорогу чьей-то гигантской рукой. Несколько мгновений он сидел неподвижно, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Ветер доносил через окно порывы холодного воздуха и настойчивое пронзительное карканье какой-то птицы. Если не считать его, вокруг царил полная тишина – и слава богу. Окажись на дороге кто-то еще, и все пошло бы кувырком – дьявольская ирония судьбы, которой он опять-таки отнюдь не желал. Он уже и без того натворил немало бед.

Снова развернув машину вдоль дороги, он медленно проехал задним ходом мимо площадки на обочине. Сара сумела бы сразу заехать туда задом, но он не мог. По крайней мере, он не был уверен, что это у него получится, так что даже не стал пробовать. Он всегда поступал так, пытаясь скрыть собственные недостатки, сохранить собственные тайны. Ему никогда не хотелось выглядеть дураком, даже если он действительно выглядел дураком, да при этом еще и трусливым.

Он выехал на небольшую площадку, отгороженную шестидюймовой полосой сметенного с дороги снега. Вероятно, эта площадка являлась начальным пунктом какой-то не слишком известной тропы для лесных прогулок, в зимний сезон полностью недоступной. Лишь когда машина снова остановилась, Том понял, что у него отчаянно трясутся руки. Взяв с пассажирского сиденья бутылку, он сделал большой глоток. Некоторое время он смотрел в зеркало заднего вида, но не увидел ничего, кроме бледной кожи, каштановых волос, мешков под глазами и зарождающегося двойного подбородка. Все признаки среднего возраста.

Открыв дверцу, он сунул ключи в карман, не стоило оставлять чересчур очевидных свидетельств своего поступка. Оттолкнувшись от машины, он тут же поскользнулся на камне и грохнулся во весь рост на землю.

Поднявшись на колени, он обнаружил на ладони несколько влажных царапин, а по лбу и правой щеке, похоже, стекали капельки крови. Правая лодыжка тоже болела. Стряхивая с лица мелкие камешки и неожиданно протрезвев, он наконец понял, что поступает совершенно правильно.

Вытащив из багажника рюкзак, он захлопнул крышку, и с этим щелчком к нему пришло осознание, что он все же испытывает к машине некие чувства.

Убедившись, что все дверцы заперты, он перешагнул низкое ограждение из бревен, направляясь в сторону, противоположную тропе.

Птица – та же или другая – продолжала хрипло каркать. Том попытался на нее закричать, и она затихла, но вскоре начала снова. Том понял, что для нее он всего лишь еще одно шумное животное, не имеющее никакого права кем-либо командовать.

Оставив птицу в покое, он сосредоточился на том, чтобы не упасть.

Подъем был тяжелым и крутым. Вскоре он понял, почему здесь не было зон для отдыха: этот лес не располагал к отдыху. Лес существовал не ради чьего-то удовольствия – в нем не было огороженных тропинок, туалетов или закусочных и вообще никаких традиционных посредников между цивилизацией и дикой природой. И Тома это вполне устраивало. Потребности его были невелики и вполне удовлетворялись. В рюкзаке не было почти ничего, кроме алкоголя, и он один раз остановился переложить бутылки так, чтобы они не звенели. В желудке у него тоже ничего не было, кроме алкоголя. Он уже начал сомневаться в водке как в образе жизни, хотя она и придавала ему смелости, и позволяла чувствовать себя не столь дерьмово.

Часа через два он прикинул, что прошел всего три мили, хотя забрался довольно высоко, оставив позади березы и красные заросли кизила, и теперь его окружали лишь ели и кедры. Снега здесь почти не было, но повсюду валялись упавшие ветви и росли колючие кусты, цеплявшиеся за джинсы и пальто. Высокие молчаливые деревья росли там, где им хотелось. Временами ему попадались ручьи. Сначала он их перепрыгивал, но по мере того как боль в лодыжке нарастала, он начал искать места, где легче было пересечь ручей. Иногда он что-то бормотал себе под нос, но в основном молчал, стараясь сберечь дыхание. Чем быстрее он шел, тем меньше ему приходилось быть начеку.

Допив бутылку, он бросил ее и пошел дальше. Через сто метров он понял, что поступил неправильно, и вернулся, чтобы ее подобрать, но не нашел. Он начал понимать, что основательно пьян и столь же основательно заблудился, но продолжал идти, углубляясь в лес. Время, проведенное за изучением карт, показало, что в этих краях даже лесные просеки встречаются редко, но он знал по собственному опыту, хотя и городскому, что у него хорошо развито чувство

направления. Не в меньшей степени он сознавал, насколько слаб и что любой минутный порыв может завести его туда, куда ему совсем не хотелось бы, а потом внезапно исчезнуть, оставив его с кровью на руках. Вот почему для него столь важно было заблудиться. Иначе он бы просто передумал, нашел бы какую-нибудь отговорку. Нет ничего более жалкого, чем с треском провалить собственное самоубийство.

Том Козелек прилетел на северо-запад без каких-либо определенных планов, за исключением желания оказаться подальше от Лос-Анджелеса. Он немного постоял посреди аэропорта, слегка пьяный, и выбрал Сиэтл, поскольку недавно был там по делу и знал неплохой отель. В Сиэтле он провел одну ночь, а затем поехал на восток, в Каскадные горы. Это странные места: горные вершины, головокружительные долины и иззубренные камни всех оттенков серого. У них даже есть своя небольшая история, из разновидности «А потом они вырубали еще немного деревьев». Но дорог здесь мало, и горы как бы существуют сами по себе; если не знать, куда направляешься, – а этого Том не знал, – то легко может показаться, будто дорог тут нет вообще. В течение двух дней он словно в тумане перемещался между маленькими холодными городками, проводя вечера в номерах мотелей перед выключенным телевизором. Он звонил домой, и ему отвечали, отчего становилось лишь хуже. Разговор с женой и детьми был коротким и без скандалов – еще хуже. Порой тяжелее всего сохранять здравомыслие, особенно в ситуации, когда мир разваливается на глазах и становится некуда податься.

В конце концов он нашел городок под названием Шеффер и обосновался там. Шеффер состоял всего лишь из одной главной улицы и пяти поперечных, исчезавших среди покрытых елями крутых холмов. Но, судя по паре высокомерного вида гостиниц и молодежного стиля кафе, где продавали неплохое овсяное печенье и на полке стояли пять подержанных, но почти нетронутых экземпляров «Мостов округа Мэдисон», люди приезжали сюда с определенной целью. В городке имелся также маленький железнодорожный музей, который был закрыт, а также участок заброшенной железной дороги, идущий параллельно главной улице, на котором стояли старые ржавые локомотивы и вагоны. Туристический сезон закончился, и на первый план выдвигались местные жители, вычесывая мох из волос.

За четыре дня до того, как отправиться в лес, Том сидел у стойки в баре «У Большого Фрэнка», самом спокойном из трех имевшихся в городке. Он тупо глядел в экран телевизора, где показывали состязания по какому-то

иностранному виду спорта, правил которого он толком не понимал, и ощущал странное умиротворение, несколько необычное здесь, на территории индейцев. Ему было сорок три года, и он давно стал взрослым. В его распоряжении имелись кредитные карточки и автомобиль. Ему не стоило беспокоиться, что кто-то может его узнать. При желании он мог сделать вид, будто его зовут Лэнс, и объявить себя бывшим пилотом-истребителем, который стал миллионером в интернет-бизнесе, или культовым балетмейстером в направлении джаз-фьюжн, и никого бы это не взволновало. Он мог поступать так, как ему хотелось, но вся проблема заключалась в том, что ему не хотелось ничего. Вообще.

Сейчас для него уже ничего не имело значения. Он пересек черту.

Он продолжал пить, пока в голове не сделалось холодно и пусто. Неожиданная мысль пришла ему на ум, словно стрела, выпущенная из далекого лука. Он понял, что все же есть способ – пусть не лучший, но вполне приемлемый – избавиться от всех проблем. Он взял еще кружку пива и отнес ее на столик в темном углу, чтобы обдумать эту мысль более тщательно.

Он уже подумывал прежде о самоубийстве, как и большинство людей, но никогда не думал об этом всерьез – так, лишь иногда, чтобы убедиться, что подобная мысль в очередной раз кажется ему нелепой. На этот раз все было по-другому, и он рассуждал вполне здраво. Да, его жизненная ситуация еще не стала необратимой. Брак его распался, но этого нельзя было сказать обо всех его дружеских связях. Он мог получить новую работу, разрабатывать корпоративные сайты для кого-нибудь другого. Можно было найти квартиру, самому стирать белье, купить себе микроволновку. Через год все могло стать совсем иначе. И что с того? Он все равно остался бы тем же Томом, неуклюжим мужиком с неопределенными способностями, которого медленно засасывает неумолимая трясина возраста. Он все равно остался бы той же личностью, которую когда-то занесло в эти края. В жизни у него и так было мало хорошего – что, если тут узнают и об остальном? Выбор, который ему хотелось бы сделать, существовал исключительно в его прошлом.

Так почему бы просто не покончить со всем этим? Подвести черту. Примириться с потерей. Надеяться, что переселение душ действительно существует, и попытаться в следующий раз найти работу получше.

Почему бы и нет, в конце концов?

Он пил до закрытия бара, потом пытался беседовать с двумя молодыми барменами, пока те невозмутимо сопровождали его до дверей. Один что-то отвечал со скучающим видом, другой – с явным отвращением. Том подумал, что он, вероятно, не намного моложе их отцов, скорее всего, угрюмых типов с квадратными подбородками, выпивавших рюмку бурбона или еще какого-нибудь кислого пойла примерно раз в месяц. Дверь захлопнулась у него за спиной. Ковыляя обратно к мотелю, он вдруг понял, что ему больше незачем беспокоиться о том, кто и что о нем думает. Его новая цель дала ему возможность подняться на иной, более высокий уровень, откуда ему было на всех наплевать. Он настолько разозлился, что развернулся и, шатаясь, направился обратно к бару, намереваясь объяснить этим Чипу и Дейлу, что, хотя двадцатилетним нынешние времена и кажутся лучшими на свете, у тех, кому за сорок, есть на этот счет свое мнение и что однажды у них самих тоже отвиснут животы, и они забудут, что такое любовь, и вообще не смогут понять, кто же они такие. Ему казалось, что подобная мысль будет для них весьма ценной. Так или иначе, других у него сейчас все равно не было, и ему хотелось ею поделиться. Когда он наконец добрался до бара, дверь была заперта, а окна темны. Некоторое время он колотил в дверь, пытаясь убедить себя, что они могут быть внутри, но по большей части лишь затем, что ему просто хотелось по чему-нибудь колотить. Прошло минут пять, прежде чем его неожиданно ослепил яркий свет. Обернувшись, он увидел полицейскую машину, стоявшую позади него. Молодой парень в форме стоял, прислонившись к ограде и скрестив руки на груди.

– Уверяю вас, сэр, – закрыто, – сказал он.

Том открыл было рот, но понял, что хочет сказать слишком многое, причем лишнее какого бы то ни было смысла. Он поднял руки – не в знак того, что сдается, но в немой мольбе. Как ни странно, полисмен, похоже, его понял. Он кивнул и, не сказав больше ни слова, сел в машину и уехал. Том отправился домой в мотель, медленно шагая посреди главной улицы, на которой не было ни одного автомобиля, лишь задумчиво мигали светофоры.

На следующее утро он еще раз тщательно все обдумал. Вариантов было немного. В городке не было оружейного магазина, а ему не хотелось куда-то ехать на поиски. Даже если предположить, что у него каким-то образом оказался бы пистолет, оружие его пугало. Прыжок с обрыва, если бы здесь нашелся обрыв, тоже его не устраивал. Сама идея однозначно казалась неприемлемой. Даже если бы его разум и решился окончательно, тело могло

начать сопротивляться – и в этом случае ему пришлось бы долго идти назад к машине, чувствуя себя последним дураком на свете. «Да, я собирался броситься с обрыва, верно. Нет, этого не случилось. Извините. Хотя оттуда открывается прекрасный вид». Кроме того, Тому не хотелось превратиться в нечто раздутое или расплющенное, которое кто-нибудь нашел бы, сфотографировал и отправил домой. Ему не хотелось разрушать свое тело, ему хотелось стереть себя с лица земли.

В воскресенье он сидел за огромным канадским сэндвичем в баре «У Генри», самом дружелюбном заведении городка, когда вдруг услышал нечто, поставившее на место последний кусочек головоломки. Какой-то местный старожил явно развлекался, пугая парочку пенсионеров протяженностью и непроходимостью здешних лесов. Внимание Тома привлекло упоминание числа «семьдесят три», которое местный повторил несколько раз подряд. Семьдесят три – о чем это?

Его слушатели переглянулись и кивнули, явно впечатленные его словами. Потом мужчина повернулся к местному с видом человека, заметившего изъян в доводах собеседника.

– Больших или маленьких? – спросил он. – Те самолеты – какого размера они были?

Его жена кивнула – мол, моего мужа не проведешь, я же всегда говорила.

– Всякие, – слегка раздраженно ответил старик. – Большие, маленькие, гражданские, военные. Самолеты падают все время – собственно говоря, их на самом деле намного больше, чем тех, которые совершали в этих краях вынужденную посадку. Суть в том, что из всех самолетов, упавших на тихоокеанском Северо-Западе после войны, семьдесят три так и не были найдены.

В самом деле, подумал Том.

Отодвинув сэндвич, он расплатился и отправился покупать столько спиртного, сколько мог унести.

Он не был готов к столь быстрому наступлению темноты. Сейчас он уже скорее ковылял, чем шел, мускулы на ногах, казалось, превратились в свинец. До сих пор он прошел всего миль восемь, самое большее десять, но невероятно устал. Ему вдруг пришло в голову, что если бы он проводил больше времени в спортзале, то был бы в лучшей форме для того, чтобы умереть. Подобная мысль вызвала приступ безудержного хохота, пока рот не заполнился теплой слюной, и пришлось остановиться и сделать несколько глубоких вдохов, чтобы его не стошнило.

Сейчас он был примерно так же пьян, как обычно. Он присел на корточки, положив руки на колени и глядя на плывущие перед глазами разноцветные пятна, и стал думать, что делать дальше. Он уже основательно заблудился, следовательно, этот пункт из списка задач можно было вычеркнуть. Местность в течение вечера становилась все более гористой, с крутыми и предательски скользкими склонами. Когда придет ночь, наступит настоящая темнота, готовая поглотить и оглушить любого городского жителя. Сняв рюкзак, он искал в нем фонарик. Включив его, он понял, что меняется не только освещенность. Собирался туман. Кроме того, было невероятно холодно. Пока что он лишь ощущал, как пот на коже превращается в ледяную воду, но ему не хотелось дожидаться, пока холод доберется до костей. Что означало: нужно идти дальше.

Он немного повертел лодыжкой, разминая ее, свернул чуть в сторону и продолжил пробираться вперед. В лесу наступила тишина, шумные птицы накричались досыта и отправились по своим гнездам спать. Насчет другой живности он не был столь уверен. Том уже некоторое время пытался не думать о медведях. Он не считал, что представляет какую-то угрозу для крупных зверей, которые могли ему встретиться, и у него не было с собой еды, которая могла бы их привлечь, но, скорее всего, это не имело никакого значения. Возможно, они сидели в засаде и нападали на людей просто ради развлечения. Так или иначе, думать об этом ему совсем не хотелось, и он об этом не думал. Фонарик имел переключатель на два положения – яркий и не очень яркий, и он вскоре остановился на последнем. Сгущающийся туман отражал все больше света ему в лицо, отчего кружилась голова. Кроме того – еще страшнее становились тени. Днем лес выглядит вполне дружелюбно, напоминая о воскресных прогулках, шелесте листвы, о большой теплой руке отца или о своей собственной, протянутой кому-то другому. Ночью лес сбрасывает маску и напоминает о том, почему стоит опасаться темноты. Ночной лес словно говорит: «Найди себе пещеру, мартышка, здесь не место для тебя».

Он продолжал идти, ослепленный туманом, то и дело оглушая свой мозг водкой, уверенный, что весь треск и шорох, который он слышит, производит он сам. В тумане не было видно никаких теней, двигался лишь сам туман – в чем он тоже был уверен. Можно было отбросить все опасения и идти дальше, в полной безопасности, испытывая лишь небольшие неудобства. Идти, пока не наступит кромешная тьма и само время как будто остановится, пока одну мысль не станет тяжело отличить от другой, пока страх не сожмется в неприметный комочек. Он шагал все быстрее и быстрее, пытаясь убежать от того, что нес внутри себя.

Ничто не предвещало, что на пути встретится обрыв. Он упрямо продирался сквозь заросли доходивших до пояса кустов, в третий раз испытывая приступ отчаянной икоты, пока вдруг нога не встретила опоры. Он двигался, наклонившись вперед, чтобы легче было раздвигать кусты, и отступить было уже поздно.

Он скользил по крутому склону, раскинув ноги и размахивая руками. Скорость падения несколько замедлил удар о небольшое дерево, в результате которого он потерял фонарик и бутылку. Его развернуло боком, и остаток пути он проделал, пересчитав все попадавшиеся на земле камни. Все закончилось очень быстро: он с размаху приземлился лицом вниз, слыша хруст собственных ребер.

Издав тихий безнадежный стон, он с трудом сбросил рюкзак и перевернулся на спину. Боль в груди была столь сильной, что он невольно вскрикнул. Сейчас было намного больнее, чем в прошлый раз, когда он упал, выходя из машины. Казалось, будто кто-то воткнул в правый бок копье и раскачивает его конец. Боль распространялась и по нижней области живота, горячая и острая.

Какое-то время спустя ему удалось сесть. Он осторожно провел рукой по боку, не глядя, просто на всякий случай, но оттуда ничего не торчало. Увидев в десяти футах от себя тускло светившийся в кустах фонарик, он пополз к нему по холодной грязи. В глазах слегка двоилось, но это продолжалось уже пару часов, так что он не особо беспокоился.

Подобрав фонарик, он обнаружил, что, судя по всему, свалился в широкий каменистый ров, когда-то служивший руслом для обильного весеннего ручья, превратившегося теперь в тонкую струйку, журчание которой слышалось в десяти футах впереди. Если не считать этого журчания – было тихо. Очень тихо

и очень холодно.

Он решил, что зашел достаточно далеко. Сегодняшняя ночь вполне его устраивала. Так или иначе, никакого завтра все равно уже не будет. Конец наступит чуть раньше, только и всего.

Он отполз чуть назад, оперся спиной о камень, поставил рюкзак между колен и открыл. По крайней мере одна из оставшихся бутылок разбилась: дно мешка было мокрым и источало острый запах алкоголя. Посветив фонариком, он понял, что руку внутрь просто так не просунуть, и вывалил большую часть содержимого на землю. Не сразу, но все же ему удалось найти упаковку снотворного.

Аккуратно выковыривая каждую таблетку из упаковки и складывая их в кучку на удачно подвернувшийся листок, он мысленно пробежал перечень того, что должен был сделать.

Заблудился – сделано. Напился – сделано. Это уж точно. Можно поставить большую красную галочку.

За мотель – расплатился, упомянув мимоходом, что возвращается обратно в Сиэтл. Сделано.

В такой холод на прогулку в лес мог отправиться только идиот, к тому же была середина недели, не сезон, и он ушел в сторону от проторенных троп. Сделано.

Таблетка, еще таблетка. Он посмотрел на кучку. Хватит ли? Лучше перестраховаться. Он продолжал выковыривать таблетки. Передозировка снотворного вовсе не была проявлением слабости, если это делать так, как делал он. Мужественно и достойно.

О да.

Машину, скорее всего, обнаружат завтра, и через день-два кто-нибудь отправится на поиски. Не пешком, но с воздуха, вероятнее всего, лишь для очистки совести. В свой последний день в Шеффере Том купил одежду и рюкзак камуфляжной окраски, чтобы его еще с меньшей вероятностью можно было заметить с пролетающего самолета или вертолета. Если бы он раскошелился

еще на подходящие ботинки, лодыжка сейчас так бы не болела, но ему показалось, что это не имеет особого смысла.

Так или иначе, он сделал все, что требовалось.

Кучка таблеток продолжала расти, и он вдруг, к своему удивлению, обнаружил, что совсем не боится. Раньше ему казалось, что само приближение последнего шага может повергнуть его в панику, что в последний момент он начнет бороться со смертью. Сейчас же он чувствовал лишь, что очень, очень устал. Где-то по пути от машины до этого случайно подвернувшегося рва жизнь окончательно утратила для него всякий смысл. Смерть стала лишь событием, которое должно произойти здесь и сейчас. Было темно, и близилась ночь. Самое подходящее время.

Уже почти не чувствуя от холода собственных пальцев, он начал глотать таблетки, по нескольку зараз, запивая их водкой. Несколько штук он выронил, но их хватало и без того.

«Прощай, Сара, найди себе кого-нибудь другого. Прощай, Уильям, прощай, Люси. Знаю, вы возненавидите меня за то, что я сделал, но вы и так вскоре стали бы меня ненавидеть».

В какой-то момент он, похоже, понял, что перешел грань смертельной дозы, после чего все оказалось легко и просто. Даже в лесу стало чуть теплее, хотя, возможно, он просто больше не ощущал собственных конечностей. Он сидел, слегка покачиваясь из стороны в сторону в окутывавшей его туманной тьме, ощущая одновременно холод и тепло, усталость и бодрость. Страх кружил где-то в кустах, но оставался на почтительном расстоянии, пока он не перестал вообще хоть как-то воспринимать окружающее и бросать в рот таблетки. Он коротко всхлипнул, а потом просто не смог вспомнить, о чем только что думал. Казалось, будто он идет по пустынной улице, на которой один за другим закрываются магазины.

Когда начали дрожать веки, он попытался держать глаза открытыми – не от отчаяния, а просто из детского желания прогнать сон, с которым, как он знал, ему все равно не справиться. Когда глаза наконец закрылись, он испытал мгновенное облегчение, а затем начал проваливаться в серую бездну. Он ожидал, насколько у него еще остались какие-то ожидания, что процесс этот

будет продолжаться, пока не наступит полная чернота и тишина. А потом не станет и этого. Прощай, мир.

Но он не ожидал, что очнется посреди ночи, все еще пьяный, сотрясаемый жуткой дрожью. Он не ожидал, что окажется жив и что его будет мучить страшная боль. И уж тем более он не ожидал увидеть прямо над собой чью-то громадную тушу, от которой очень холодный ветер доносил запах тухлого мяса.

Глава 2

Ресторан представлял собой большое помещение, разделенное на несколько частей, со столиками в центре и кабинками вдоль трех стен. У входа в каждую кабинку висели маленькие фонарики, но сейчас они не горели. Стены были украшены большими фресками в старинном стиле, в основном в серо-голубых, бледно-розовых и грязно-черных тонах. Через высокие двустворчатые окна у входа открывался вид на автостоянку, усыпанную старыми листьями, которые кружил холодный ветер. Я сидел на своем обычном месте, в одной из кабинок у задней стены. Мне здесь нравилось. Скамейка стояла не слишком близко к столу, и я не чувствовал себя зажатым. Меню изобиловало гамбургерами, буррито, фирменными салатами и чили (по-техасски или в стиле Цинциннати: «Острее, еще острее... осторожнее!»), что как раз в моем вкусе.

В общем, здесь было просто отменное место для обеда, за исключением одного – отвратительного обслуживания. Я ждал уже достаточно долго, но никто ко мне так и не подошел, и не поприветствовал, и даже не принес воды со льдом, которую я, впрочем, все равно не стал бы пить. Собственно говоря, нерадивостью здесь отличались не только официанты. Придя сюда в первый раз, я увидел, что кто-то опрокинул большую часть стульев в центре зала, и это отнюдь не радовало глаз. Я бы поставил их на место, аккуратно задвинув под столики, но это не было моей работой. Точно так же не входило в мои обязанности и заменять электрические лампочки. Я подумал было о том, чтобы отправиться на кухню, но решил, что в этом нет никакого смысла. Так было даже спокойнее. И темнее.

Я облокотился о столик, думая о том, что я, черт возьми, здесь делаю. Три дня ждать миску чили – все-таки чересчур долго, сколь бы хорошим оно ни было.

Даже я чувствовал, что готов распрощаться с Релентом, штат Айдахо.

Мне многое было известно о городках типа Релента, поскольку именно в них я провел большую часть времени за последние несколько месяцев, бесцельно блуждая по простирающимся на многие мили лесам и прериям наименее привлекательных штатов Америки. Вначале я останавливался в мотелях, пока однажды, подойдя к банкомату, не обнаружил, что денег больше нет. Удивительно, как влияет маленький блестящий цветной прямоугольник на твоё благосостояние, на твоё ощущение себя личностью. Ты начинаешь по-настоящему осознавать значение карточки, лишь когда автомат выплевывает её обратно и говорит тебе «нет», и это означает: ни сейчас, ни потом и вообще никогда. Тогда ты вдруг вспоминаешь, что карточка – вовсе не волшебный горшочек, производящий золото, а всего лишь кусок пластика, для которого ты даже не являешься законным владельцем. Я стоял на парковке в Нью-Джерси, вертя карточку в руках, пока женщина в спортивном автомобиле с тремя толстыми детишками не сказала мне, чтобы я убирался ко всем чертям. Она уже держала наготове свою карточку, в полной уверенности, что та сработает как надо. Я ей даже позавидовал, хотя отнюдь не из-за её донельзя уродливых детей.

Вернувшись к машине, я забрался внутрь, сел и некоторое время смотрел сквозь ветровое стекло. У меня имелось восемнадцать долларов с мелочью плюс чуть меньше половины бака бензина. И больше ничего. Вообще.

– Ну что, Бобби, что теперь будем делать?

Бобби не ответил, поскольку его не было в живых. Он был моим лучшим другом, одним из немногих, чья судьба меня волновала по-настоящему. Он погиб в месте под названием Холлс, когда мы пытались поймать психопата, именовавшего себя «человеком прямоходящим», который, как оказалось, был моим братом. Холлс взлетел на воздух, похоронив под собой тело Бобби. С тех пор Бобби стал моим непредсказуемым собеседником. Иногда он говорил именно то, чего я от него хотел: «Да, Уорд, возможно, это неплохой городок, чтобы провести в нем ночь». Или: «Да, нужно выпить еще пива» и «Да, мы сделали все, что могли, чтобы найти тех, кто убил твоих родителей, и глупо винить себя в том, что получилось не так, как хотелось бы, включая мою собственную смерть».

Потом он надолго замолкал. На целые недели. Я не знал, где он пропадал все это время и что менялось у меня в голове, из-за чего я не мог больше его слышать. А слышал я его действительно только в своей голове. Я это знал. На самом деле его здесь не было.

В конце концов я уехал с парковки возле банка и нашел себе работу в качестве мойщика посуды и чистильщика картофеля через три городка отсюда. Повар-эквадорец разрешил две ночи провести у него на полу, а потом у меня уже было достаточно денег, чтобы получить собственную комнату, при условии, что я не против делить ее с клопами, пылью и шумом и что я не буду ничего есть. В таком положении работа на кухне дает свои преимущества, хотя от дешевой еды вскоре начинает тошнить. Отношения между мной и эквадорцем прекратились неделю спустя, когда я попытался уговорить его поделиться частью дохода от мелкого наркобизнеса, которым он занимался среди прочего персонала и нескольких молодых и не очень молодых местных жителей, из тех, что порой появляются за спиной по ночам. В результате мне пришлось ранним утром сматываться из города, истекая кровью и чувствуя себя полным идиотом.

На следующее утро я остановился передохнуть возле «Бургер кинга» в Западной Виргинии, все еще с измазанным кровью лицом, когда наконец у меня в голове послышался голос и ответил на вопрос, заданный девять дней назад. Я умылся в туалете при заведении, съел универсальный завтрак из напоминавших еду ингредиентов и поехал прямо в сторону Аризоны. Там я отыскал один дом во Флагстаффе, что потребовало некоторого времени, поскольку до этого я бывал там лишь однажды, к тому же не вполне трезвым, и с тех пор успел потерять адрес. Я наблюдал за домом в течение суток, прежде чем достать свой ставший теперь бесполезным для чего-либо иного кусок пластика, которым я воспользовался, чтобы открыть замок.

И с тех пор уже пять дней я жил в доме Бобби Найгарда.

Я внимательно огляделся вокруг и пришел к выводу, что если кто и пытался ограбить дом, то сделал это весьма аккуратно и не позарился на компьютерное оборудование стоимостью в десятки тысяч долларов. Первое, что я сделал, – вышел в Сеть. Подобным я не занимался уже довольно давно, будучи уверенным, что любая попытка отследить личную информацию будет сразу замечена и за мной пустятся в погоню. Бобби в числе прочего был специалистом по запутыванию следов в Интернете, и я знал, что если воспользуюсь его домашней

системой, то мне ничто не будет угрожать, по крайней мере какое-то время.

Первым делом я занялся банковскими счетами. Вскоре выяснилось, что мой счет закрыт, а его содержимое исчезло в неизвестном направлении. Не закрыт, но пуст оказался и второй счет в другом банке – тот, куда были переведены деньги, полученные в наследство от родителей. Кто-то полностью его очистил, оставив единственный цент.

Я вышел из Сети и откинулся на спинку кресла, чувствуя легкое головокружение. Меня вовсе не удивило то, что я только что узнал, но тем не менее новости относились к разряду весьма дурных, и сейчас мне очень хотелось кого-нибудь поймать и сделать ему очень больно. Найдя на кухне подходящее в качестве пепельницы блюдце, я встал у окна, глядя на улицу, и почти сразу же услышал голос Бобби. Он всегда уговаривал меня бросить курить и, видимо, продолжал оставаться при своем мнении и теперь. Тем не менее я все же докурил сигарету. Приятно было слышать чей-то голос, даже если голос этот меня раздражал и даже если он был моим собственным.

Я остался в доме. Здесь я чувствовал себя в безопасности, к тому же я устал переезжать с места на место. В кухонном шкафу нашлось достаточное количество консервов, так что мне даже не приходилось выходить на улицу. Немало времени я посвятил чтению справочников и записей Бобби, а также обыскал дом сверху донизу, стараясь ничего не нарушить. Я нашел тайник с поддельными удостоверениями личности и забрал их, зная, что Бобби наверняка купил их у кого-то, кому полностью доверял. Я также обнаружил чуть меньше шести тысяч долларов наличными, спрятанных в подвале в коробке из-под компьютера. Некоторое время я сидел и смотрел на деньги, испытывая неприятное чувство оттого, что их нашел, и еще более неприятное оттого, что собирался с ними сделать.

У Бобби была мать. Месяц назад я узнал, где она живет, и передал ей известие о его смерти. Она была пьяна и швыряла в меня разные вещи, хотя не вполне ясно было, то ли такова была ее реакция на новость – они никогда не были особо близки, то ли она всегда вела себя так. Вероятно, деньги следовало бы отдать ей, но этому не суждено было случиться. Вполне возможно, что деньги эти имели не слишком чистое происхождение, и я искренне верил, что Бобби одобрил бы мое решение их забрать. В любом случае поступить с ними я собирался именно так.

Несколько дней спустя я покинул дом, в одежде Бобби, которая более или менее мне подходила, и с небольшой сумкой в руках, где лежали деньги. Я также взял один из его ноутбуков – свой я некоторое время назад сдал в ломбард. На середине улицы я остановился и посмотрел на дом, думая, как долго он еще сможет простоять, пустой и безлюдный. Наверняка не одну неделю – пока идет оплата по счетам и пока что-нибудь в доме не взорвется или не загорится. Может быть, и намного дольше. Я подумал о том, сколько по всей стране таких комнат и домов, из которых исчезли люди, но машины продолжают работать, не требуя человеческого вмешательства.

Именно в таких местах я, как правило, и находил временное пристанище. Иногда я залезал в заначку Бобби, чтобы провести ночь в отеле в центре крупного города, из тех, где приходится поутру звонить портье, чтобы тебе напомнили, в каком штате ты находишься. Однако чаще я довольствовался тем, что удавалось найти: заколоченными досками мотелями за городской чертой, заброшенными конторами с посеревшими от пыли стеклами и вообще любыми зданиями, на которых висела табличка «Посторонним вход воспрещен», поскольку в таких местах эти слова обычно являлись единственным средством отпугнуть непрошенных гостей. Конечно, существовал определенный риск наткнуться на кого-то, кто любыми средствами стал бы защищать свою временную территорию, но, к счастью, я и сам был из таких, так что подобная перспектива не слишком меня беспокоила. Несколько раз мне и в самом деле пришлось столкнуться с конкурентами, но тех, у кого ничего нет, легко припугнуть, если сохранять самообладание и делать вид, что ты от них чем-то отличаешься. Просто удивительно, как много в нашей стране таких покинутых всеми мест.

Джон Зандт тоже остался в живых после событий в Холлсе. Однажды вечером он позвонил мне, и мы отправились в Якиму. Наша подруга Нина составила внутренний отчет о том, что мы нашли, и поставила в известность тамошнее отделение ФБР. Но, похоже, о нем забыли сразу же, как только спрятали в ящик стола. Именно тогда мы поняли, что нам никто и ничто не поможет и что у организаторов заговора, который мы раскрыли, руки куда длиннее, чем нам представлялось.

После этого я почувствовал, что выдохся. Дела мои шли все хуже и хуже, пока я наконец не оказался в Реленте. Мой сотовый телефон был зарегистрирован на фальшивое имя. У меня был ноутбук человека, которого уже не было в живых, и постепенно истощающийся источник грязных денег. Мои ребра до сих пор болели после ножевой раны, полученной от наркодилера.

Мои родители могли бы мною гордиться.

В конце концов я вышел из опустевшего ресторана и направился вдоль дороги, именованной главной улицей Релента. От обещаний в меню я успел проголодаться, но в карманах не было ничего, кроме не помню когда уже купленного пакетика с сушеным мясом. Я нашел бар под названием «Кембридж», которым заведовала приветливая пара средних лет. Меню, однако, оказалось куда менее соблазнительным, чем в вымершем ресторане, и я в итоге сосредоточился на виски и каком-то местном напитке, который, похоже, гнали из стен старых домов, но после третьей или четвертой порции он показался вполне сносным на вкус. Я собрался уже уходить, но пошел дождь, настоящий ливень, стучавший по окнам бара так, словно кто-то бросал в них горсти гравия. Пришлось остаться, и я сидел, сгорбившись, у стойки и медленно, но размеренно поедая оливки, пока рот у меня не наполнился горечью, а пальцы слегка не позеленели.

К девяти я уже был основательно пьян. Через час лучше не стало. На небольшой сцене молодая женщина с вьющимися волосами пела песни, смысл которых до меня уже не доходил. Я чувствовал, что у нее непростая жизнь, и даже слегка ей симпатизировал, но от ее голоса у меня начала болеть голова. Пора было отправляться куда-нибудь в другое место, но идти было особо некуда, к тому же дождь не прекращался. То и дело в бар заходили люди, выглядевшие так, словно они только что побывали в океане.

Вскоре один из них привлек мое внимание. Он был высок и худ и сидел в одиночестве за столиком у задней стены. Я обнаружил, что не отвожу взгляда от отражения столика в зеркале за стойкой. Освещение в «Кембридже» было не слишком ярким, и я не мог отчетливо видеть лицо парня, но легкое покалывание в затылке подсказывало мне, что он смотрит в мою сторону значительно чаще и это не могло быть простой случайностью. Я встал и отправился в туалет, хотя необходимости в этом не было, но, когда я проходил мимо парня, тот отвернулся, сделав вид, будто сосредоточенно смотрит в окно.

В туалете я пустил воду, пока та не стала холодной, и сполоснул лицо. Я знал, что что-то не так, но не понимал, что именно. Возможно, он просто заметил чужака. Но скорее всего, дело было не в этом. Высоко в стене туалета имелось окно, но встать было не на что, кроме раковины, которая вряд ли выдержала бы мой вес, да и пролезть через окошко у меня было мало шансов.

Я решил, что если нам и суждено столкнуться лицом к лицу, то пусть это лучше случится в общественном месте.

Когда я вернулся, за столиком никого не было.

Ругая себя за собственную паранойю, я снова подошел к стойке и глотнул успевшего слегка нагреться пива. К поющей женщине присоединилась подруга, волосы которой выглядели еще хуже. От сочетания их голосов у меня начали вибрировать вены на ногах. Я дал знак бармену, и мне принесли счет, который оказался не таким уж и большим. Я поболтал с барменом минут пять и дал ему щедрые чаевые. Мой отец хорошо меня воспитал.

На улице оказалось еще холоднее, чем я ожидал. У меня возникло искушение вернуться – вдруг они захотят меня усыновить или разрешат спать в баре? Но я знал, что если дверь закрылась у меня за спиной – пути назад уже нет. Я двинулся по улице, стараясь держаться ближе к витринам магазинов и пытаюсь спрятаться от дождя. Улица была пуста. Я мог бы ехать по ней с закрытыми глазами, не подвергая опасности никого, кроме себя.

Мне потребовалась минута или две, чтобы понять, что за спиной кто-то есть.

Я остановился и повернулся. Сквозь пелену дождя почти ничего не было видно, но кто-то стоял в дверном проеме примерно на полпути между мной и баром. Лица было не разглядеть, и он не двигался, но никто бы не стал стоять на улице в такой вечер просто так.

– Чем могу помочь?

Ответа не последовало. Я сунул руку под пальто. Конечно, пистолет остался в машине. Кому нужен пистолет в Реленте, Айдахо?

– Кто тебя послал?

Парень вышел из дверей, шагнул на тротуар. Он что-то сказал, но шум дождя заглушил его слова.

Я побежал к нему.

Он поспешно попятился. Я набросился на него, прежде чем он успел понять, что происходит, и начал бить. Я понимал, что мне нужно остановиться, что он может знать кое-что такое, о чем следовало бы знать мне, но меня это не волновало. Я нанес ему несколько ударов обеими руками и головой, и мы вместе свалились на землю. Оттолкнув парня, я вскочил, пнул его в бок, нагнулся, схватил за волосы, готовясь колотить головой об асфальт, пока все не закончится. Позади слышался какой-то шум, но я никак не связал его с происходящим, пока меня не начали оттаскивать, и стало понятно, насколько я был глуп, полагая, что они пошлют кого-то в одиночку. Единственное, что продолжало удивлять, – почему меня просто не пристрелили на месте.

Кто-то схватил меня и потащил назад. Кто-то присел рядом с парнем, которого я бил, пытаюсь приподнять его голову. Лицо было залито кровью, но теперь я увидел, что он намного моложе, чем мне казалось, самое большее лет двадцати пяти. Я понял, что рядом с ним – женщина. Она посмотрела на меня – это была хозяйка «Кембриджа».

– Сволочь, – сказала она.

– Ты что, крутой? – слышался голос над моим правым ухом, и, вывернув шею, я увидел ее мужа.

– Какого черта?

Вокруг стояло несколько человек, вышедших из бара.

– Он следил за мной, – сказал я. – Он стоял здесь и ждал меня.

Женщина выпрямилась.

– Рикки – гей, – сказала она.

Я тяжело дышал, лицо пылало.

– Что?

Ее муж отпустил мою руку.

- Ты что, думал преподать ему урок? У тебя есть проблемы с такими, как Рик?

Он отошел от меня, будто я был заразным.

- Послушайте, - сказал я, но слушать меня никто не собирался.

Завитые певички помогли парню подняться и повели его назад в бар. Женщина бросила на меня еще один взгляд, хотела что-то сказать, но лишь покачала головой. Ни с одной из тех, с кем мне доводилось спать, я не чувствовал себя таким ничтожеством, как сейчас. Она вернулась в бар вместе с остальными, покровительственно обняв парня за плечи, и я слишком поздно понял, что Рикки - ее сын.

Я остался наедине с ее мужем.

- Я не знал, - сказал я.

- Мог бы у него спросить.

- Вы понятия не имеете, что у меня за жизнь.

- Нет, - он покачал головой, - не имею. И не хочу. И где ты живешь - тоже не желаю знать. Но тебе следует отсюда убираться. Здесь тебе делать больше нечего.

Он направился к бару, но, открыв дверь, обернулся и добавил:

- Я буду удивлен, если тебя теперь вообще где-нибудь примут.

Дверь за ним захлопнулась, и я остался стоять под дождем.

Ницше говорил, что для мужчин и женщин с сильным характером существуют типичные ситуации и события, в которых им предназначено судьбой снова и

снова принимать участие и о которых они могут сказать: «Да, я такой». По крайней мере, мне кажется, что так говорил именно он, хотя это вполне мог быть и Гомер Симпсон. Так или иначе, кто бы то ни был, он явно имел в виду нечто более позитивное, чем драки без причины или приступы паранойи в отношении тех, кто этого вовсе не заслужил. Именно так и произошло со мной в ночь после похорон моих родителей, когда я сам не знаю зачем вытащил пистолет в баре отеля, перепугав посетителей и самого себя в том числе.

Случившееся в Реленте наконец дало мне понять, что так жить нельзя. Как сказала мне три месяца назад одна девочка, которая испытала на себе, на что был способен «человек прямоходящий»: то, что должен сделать я, больше не сделает никто. Пора было перестать бежать и скрываться – пришло время превратиться из дичи в охотника.

К четырем часам следующего дня я был в Сан-Франциско, а ближе к ночи я наконец напал на след.

Глава 3

Рассвет застал Тома скорчившимся у подножия дерева, продрогшим до костей и до смерти напуганным. Теперь он уже не сомневался в том, что наступило утро, несмотря на то что не рассчитывал встретить наступивший день живым.

Когда он очнулся ночью, все произошло очень быстро. Инстинкт подсказывал, что нужно сматываться, и чем быстрее, тем лучше, но тело его не слушалось, и вместо того, чтобы подняться, Том растянулся на земле. Едва он осознал, что его план завершился полной неудачей, как снова ощутил запах, и в мозгу словно взвыла сирена: «Медведь! Медведь!» Том сорвался с места.

Сперва он передвигался больше на четвереньках, чем на ногах, но страх перед когтями зверя быстро привел его в вертикальное положение. Выкарабкавшись из канавы, он перебрался через ее скользкий от грязи край и наконец смог нормально идти.

Оглядываться назад не было никакого желания. Он понимал, что находится далеко не в лучшей форме – в голове шумело, лодыжка вопила от боли, к тому же он потерял фонарик – но тем не менее продолжал, пошатываясь, шагать во тьму. Боль и разочарование не шли ни в какое сравнение с перспективой оказаться в лапах медведя, и он побежал, подсознательно вспоминая все то, чему научились представители его вида со времен ледникового периода. Он бежал, словно загнанный зверь, подгоняемый чистым инстинктом жертвы, не чувствуя под собой ног, спотыкаясь о ямы и поваленные деревья, падая и снова поднимаясь, пытаясь добраться до более лесистой местности.

Забравшись выше по склону, он заметил, что снова пошел снег, громко хрустевший под ногами. Звук этот смешивался со свистом веток, хлеставших тело, и с его собственным хриплым дыханием. Паника лишила Тома способности соображать, и лишь спустя некоторое время до него дошло, что это единственные звуки, которые он слышит. Поскользнувшись, он грохнулся на руки и одно колено, попытался встать, но упал снова, потеряв равновесие. Оглядевшись, он увидел, что находится недалеко от вершины небольшой возвышенности посреди леса. Он готов был снова бежать – или умереть, в зависимости от того, что произойдет раньше.

Медведя не было.

Он быстро окинул взглядом местность. В тусклом лунном свете почти ничего не было видно. Слышно тоже ничего не было, даже когда он попытался задержать дыхание. В груди словно пылал огонь.

Том слегка попятился, ближе к большому дереву, зная, что пытаться на него влезть бессмысленно. Медведь наверняка опытнее его, к тому же не находился в состоянии, близком к обмороку. Однако возле дерева он все же чувствовал себя увереннее.

Он немного подождал. Было все так же тихо.

Потом ему показалось, будто он что-то слышит.

Что-то у подножия дерева, в крошечной тьме, среди морозных теней. Треск веток.

Он похолодел от страха и отчаяния, не в силах пошевелиться. Паника прошла, остался лишь ужас, сковывавший все тело.

Он застыл как вкопанный, но больше не раздавалось ни звука.

Наконец Том отошел от дерева, обошел его кругом, вглядываясь и прислушиваясь. Ничего, кроме теней и осыпающегося с ветвей снега. Он не знал, что делать дальше.

И потому остался там, где был.

К шести утра он чувствовал себя крайне отвратительно. То, что он испытывал сейчас, превосходило все похмелья, которые когда-либо бывали в его жизни, вместе взятые. Ко всему прочему добавилась и шишка на правом виске – вероятно, результат второго падения. Все тело отчаянно болело при любой попытке пошевелиться, особенно ребра с правой стороны, к тому же его страдания многократно усиливал холод. Он понял, что до сих пор ему никогда еще не бывало по-настоящему холодно. В какой-то момент посреди ночи показалось, что по всей коже ползают насекомые, и последующие несколько часов он провел в попытках непрерывно двигаться, изо всех сил стараясь стать маленьким и невидимым. Он пытался шевелить пальцами ног, но безуспешно. Руки держал под мышками, время от времени вынимая их оттуда лишь затем, чтобы растереть лицо и уши. Несколько раз он терял сознание, но ненадолго. Том был чересчур напуган, чтобы сообразить, что в какое-то мгновение он оставил попытки умереть.

Несколько раз за ночь его тошнило, и возникали смутные воспоминания о том, что неудавшаяся попытка самоубийства с помощью таблеток разрушает какие-то жизненно важные органы. Печень? Почки? Он не помнил, но и то и другое, похоже, пребывало не в лучшем состоянии. Очнувшись, он довольно быстро понял причину, по которой остался жив. Она прилипла спереди к его пальто – замерзшая субстанция с вкрапленными в нее таблетками. Его вырвало во сне – все-таки он был основательно пьян. Его тело избавилось от того, что причиняло недомогание, и большая часть снотворного покинула его, не успев подействовать. Благодаря сидячей позе он не задохнулся. Возможно, таблетки не успели всерьез ему повредить. Возможно.

По мере того как воздух вокруг словно сгущался и окружающее вновь обретало цвет, Том начал смиряться с мыслью, что предстоит прожить еще один день. Он не знал, что будет после. Ему было страшно, и он злился на себя, злился на жизнь, но больше всего он злился на того старого придурка из бара «У Генри». Если он пытался нагнать на собеседников страху – надо было упомянуть и о медведях. Непроходимые леса – одно дело. Те же самые леса плюс громадные хищники, знаменитые тем, что их невозможно выследить, – совсем другое. Об этих чертовых медведях просто необходимо рассказать тем, кто тебя слушает. Особенно если они склонны к самоубийству.

Когда Том, пошатываясь, вышел из-за дерева, он кое-что понял. Первое, что он сделает, когда вернется, – даст старикашке пощечину. И воспоминание об этом будет еще долго доставлять ему удовольствие.

Снег был не слишком глубоким, но все равно, спускаясь с холма, он старался ступать по своим следам. У подножия его встретили колючие, покрытые инеем кусты. Том повернулся, оберегая опухшую лодыжку, и посмотрел на холм. Он смутно помнил, что повернул направо, чтобы на него подняться, – значит, теперь следовало повернуть налево, но в результате пришлось бы продираться сквозь самые густые заросли. Нет, спасибо. Вместо этого он двинулся в обход чуть выше, перешагивая камни и с трудом перебираясь через поваленные стволы, пока не сумел выйти на нужное направление.

Он понятия не имел, как далеко забрался. В холодном, прекрасном свете дня, следующего за тем, который он выбрал для собственной смерти, он даже не понимал, зачем возвращается назад. Идти было теплее, чем стоять, а если он намеревался идти, то лучше иметь определенную цель, причем настоящую, а не некое темное непонятное место, куда он забрел накануне. Однако это место все еще было где-то здесь, недалеко, и, вероятно, в рюкзаке оставалось достаточно выпивки, чтобы приблизить его еще больше. Он не был уверен в том, как относиться к подобной перспективе, но, так или иначе, рюкзак отыскать стоило.

Он шел минут двадцать. От холода мириады терзавших его тело болей сплавлялись в одну гигантскую сверхболь, с трудом позволявшую переставлять ноги. Иногда он что-то бормотал себе под нос, жалуясь на холод, что не имело никакого смысла, но, как ни странно, успокаивало. Том часто останавливался, вертя головой в надежде увидеть знакомую местность и в очередной раз удостовериться в отсутствии здесь медведей. Он уже почти сдался, когда

неподалеку слышался шум текущей воды.

Оставив путь наименьшего сопротивления, он начал осторожно пробираться сквозь заросли. Еще одно падение – и, возможно, он никогда и никуда больше не сможет идти.

По другую сторону кустов открывалась небольшая поляна, а затем ров. Он надеялся, что это тот самый ров, хотя тот, насколько он помнил, выглядел вовсе не так. Конечно, в тот раз было темно, и у него не было времени особо присматриваться, прежде чем он оказался на дне. Однако даже с помощью фонарика он сумел определить, что ров достаточно широк и глубина его в том месте, где он упал, составляет около пятнадцати футов. Этот же был не шире двенадцати футов, зато намного глубже, с очень крутыми краями, слишком крутыми и каменистыми, чтобы пытаться по ним спуститься.

Похоже, он промахнулся мимо того места, где был прошлой ночью.

Он посмотрел направо, туда, куда ему нужно было идти. Вплоть до самого обрыва густо росли деревья и кусты. Можно было вернуться назад, но путь был слишком долгим. Путь налево казался более простым, но вел не в ту сторону. К тому же подъем был довольно крутым.

«Господи», – устало подумал он.

Казалось, желудок полон бритвенных лезвий, а в голове раздается непрерывный звон. Нужен ли ему вообще рюкзак? Возможно, именно запах алкоголя привлек медведя. Возможно, он все еще был там, поджидая добычу. И к тому же пьяный. Том нерешительно стоял на месте.

Нужно найти рюкзак, решил он. Что еще оставалось делать?

Он побрел вдоль края рва, который начал сужаться, но не настолько, чтобы через него можно было перепрыгнуть. Возможно, двадцать лет назад он и попытался бы прыгнуть на десять футов. Сейчас же это было просто невозможно – особенно если учесть, что оба края были покрыты грязью и камнями, для разбега не хватало места и у него была повреждена лодыжка. Он наткнулся на группу деревьев, и ему пришлось обходить ее слева, прежде чем он смог снова вернуться к обрыву.

Он остановился. Через ров лежало дерево, упавшее с другой стороны, причем таким образом, что с обеих сторон оставался достаточно большой кусок ствола.

Том подковылял к нему. Ствол был довольно толстым, фута два в диаметре. Дерево казалось достаточно прочным. Он потянул за ветку, и та резко вернулась на место, свидетельствуя о том, что дерево явно упало недавно. Значит, оно не гнилое. Возможно. Оно вело с той стороны, где он находился, на ту, где он хотел оказаться. Он мог пройти девять-десять футов вместо многих сотен.

Верно, но на этих девяти футах у него под ногами не будет ничего, кроме пустоты, а внизу – множество острых камней. Девять футов по не слишком широкому стволу, возможно, скользкому и наверняка покрытому снегом; девять футов, которые ему нелегко было бы преодолеть, даже если бы не распухшая лодыжка.

У Тома на мгновение закружилась голова, словно в нее с опозданием ударили какие-то задержавшиеся остатки алкоголя. Когда мир вокруг него перестал вращаться, он шагнул к бревну и поставил на него здоровую ногу. Ствол не двинулся с места. Он был тяжелым и прочным. Он мог выдержать его вес. Единственное, что осложняло Тому задачу, – его собственный разум.

Он передвинул ногу чуть дальше, случайно сбросив с дерева немного снега. Интересно, подумал он, сразу же увидев открывающуюся перед ним возможность, что, если не идти, а скользить по бревну? В этом случае не придется поднимать ноги, что уже не так страшно, а если сбрасывать с него снег, то меньше вероятность поскользнуться на следующем шаге. Стараясь сохранять равновесие, он поставил на ствол вторую ногу, встав на него боком.

Том немного постоял, проверяя устойчивость. Сейчас он выглядел словно самый одинокий и замерзший серфингист в мире.

Затем он начал продвигаться по стволу. Передвинул левую ногу на фут, подождал, пока та прочно встанет на бревно, и подтянул правую на то же расстояние. Он чувствовал себя достаточно уверенно. Да, обе его ноги пока находились над землей, но это было лишь начало. Он снова передвинул левую ногу, потом правую. Левая теперь оказалась на самом краю.

«Чем больше шагов это займет, тем больше у тебя шансов свалиться».

– Кто дал тебе право мной командовать? – сказал вслух Том.

Он передвинул левую ногу на девять дюймов, затем подтянул правую. Теперь он уже точно стоял над пропастью, не будучи вполне уверенным в том, в какую сторону смотреть. Явно не вниз. И не вверх. Значит, скорее всего, прямо вперед. Прямо надо рвом. Нет, только не туда. Черт побери, нет.

«Налево. Туда, куда ты идешь».

Он повернул голову. Хороший выбор – до противоположной стороны было не так уж и далеко. Он снова передвинул левую ногу. Потом правую. Левую, правую. Теперь он находился почти на середине ствола.

Он еще раз передвинул ногу, наткнулся на сучок и вздрогнул. Сперва ему показалось, что все в порядке, но потом понял, что это не так. Левая нога стояла достаточно прочно, но его неожиданно с силой потянуло назад. Он чувствовал под собой массу планеты, желавшей, чтобы он к ней присоединился.

«Налево. Смотри налево».

На мгновение он почувствовал себя невесомым, но не упал. Собравшись с силами, он посмотрел на конец ствола, наполовину скрытый в заснеженных кустах, и, сосредоточившись на нем, двинулся дальше.

Еще шаг. Он преодолел больше половины пути. Том сделал следующий шаг, ощущая странное возбуждение. Еще шаг. Еще. К собственному удивлению, он так и не свалился с бревна.

Сделав очередной шаг, он понял, что стоит хоть и на бревне, но над землей. Том немного постоял, неожиданно осознав, что упасть ему уже не грозит, посмотрел на ров, чувствуя себя так, будто под ногами все еще пустота, и шагнул на землю.

На мгновение земля тоже показалась ему неустойчивой, словно могла ускользнуть из-под ног. Он сделал еще шаг в сторону от обрыва, и этого хватило. Он добился своего.

Взгляд на другую сторону подтвердил его подозрения – в обоих направлениях пройти было практически невозможно, по эту же сторону путь выглядел относительно простым.

Девять футов вместо нескольких сотен.

– Спасибо, – сказал он в пустоту.

Никто ему не ответил.

Небо над головой начало сереть.

Он шел уже десять минут, опрометчиво держась возле самого обрыва. В данный момент ему казалось, что в маленьком мирке, здесь, среди деревьев, дела обстоят не так уж и плохо. Похоже, становилось еще холоднее, но с этим он мог смириться. Главное, что у него все получилось. Он смог пройти над пропастью. Его вовсе не удивило, когда он увидел внизу свой рюкзак, уже основательно припорошенный снегом. Ему в очередной раз повезло, только и всего. Держась за небольшое деревце, он наклонился и радостно устался на рюкзак. Снег вокруг был изрыт и истоптан – несомненно, его собственными руками и ногами, когда он пытался бежать.

Но медведь ему так и не встретился.

Он продолжал идти, держась края рва, пока не добрался до места, где можно было спуститься. Заметив несколько сломанных веток и руководствуясь новоприобретенным чутьем, он предположил, что именно здесь свалился в ров прошлой ночью. Второй спуск прошел намного удачнее: лишь в самом конце Том слегка поскользнулся. Но, по крайней мере, он достиг дна на собственных ногах. Чувствуя себя так, словно завершал некий круг, он подковылял к рюкзаку.

Тот лежал открытым, поблескивая изнутри стеклом. Рядом валялась пустая бутылка среди разбросанных упаковок и таблеток, неестественно-голубых. Том смотрел на небольшую полянку, ограниченную сзади обрывом, спереди ручьем и кустами с обеих сторон, и сам себя ощущал призраком.

Рот его сразу же наполнился слюной, желудок судорожно сжался. Он поспешно попятился, не желая подходить к рюкзаку слишком близко, из опасения, что тот испугается и исчезнет во тьме, а потом вдруг оказалось, что он сидит на земле, ощущая в позвоночнике острую боль от удара, а кусты мерцают и покачиваются у него перед глазами.

Через несколько минут ему удалось отдышаться. Боль слегка отпустила. Возможно, это был результат похмелья. Возможно, реакция организма, вызванная видом таблеток и явным нежеланием еще раз повторять попытку. Собственно говоря, это могло быть и последствием долгого голодания. Так или иначе, сказать было сложно. Тело его словно превратилось в Вавилонскую башню. Все, что находилось ниже шеи, будто обернулось вполне работоспособным, но несовместимым с человеческим организмом желудочно-кишечным трактом какого-то инопланетного существа, которое пыталось что-то ему говорить, и притом слишком громко, но он не мог понять, что именно.

Ему было очень, очень плохо.

Том невольно сгорбился под ударами судорог, сводивших его тело. С неподдельным ужасом он понял, что чувствует себя совершенно разбитым и неспособным двигаться. Посмотрев на небо, он увидел сгущающиеся тучи. Похоже, скоро снова должен был пойти снег, на этот раз всерьез.

И что теперь делать?

Даже если бы таблеток осталось еще достаточно, он не верил, что сможет их проглотить. Он сомневался, что вообще на что-либо способен. Пути вперед не было. Оставалось лишь сидеть на месте, но как можно было просто сидеть, когда ему было так плохо? Водка, по крайней мере, могла бы согреть его. Перспектива отнюдь не радовала – понемногу трезвея, он понимал, что предпочел бы эту самую водку с тоником и ломтиком лайма, в умеренных количествах и где-нибудь в теплом месте, – но выбора не было. Нужно умереть по-мужски, подумал он. Или как-нибудь в этом роде. Он уже толком не помнил, о чем думал тогда в Шеффере. Казалось, будто это было очень давно.

Он поднялся на колени, все еще держась за живот, словно это могло хоть чем-то помочь, и дотянулся трясущейся рукой до рюкзака. Всего лишь обычная дрожь. Дрожь от ночного холода. Ничего больше. Не знак того, что весь его организм

шипит и искрится, словно разорванный электрический кабель.

Он дотронулся до клапана рюкзака и замер, отдернув руку.

Что-то было не так. Странные пятна на осколках стекла внутри рюкзака. Когда-то они были яркими, но теперь потускнели. Он узнал их – несколько таких же имелось на тыльной стороне его руки.

Кровь?

Морщась, он подполз ближе. Это действительно было похоже на засохшую кровь. Несколько брызг. Он повернул руку ладонью вверх – новых порезов не было. Он бы их почувствовал даже на таком холоде. К тому же он был уверен, что их не было и прошлой ночью – ему незачем было братья руками за битое стекло.

Взявшись за низ рюкзака, он приподнял его. На снег вывалилась куча хлама. Смерзшиеся осколки. Целая упаковка таблеток, до которой он не добрался. Ошметки веток и листьев, видимо набившиеся за предыдущий день. Ага, последняя бутылка, оставшаяся целой.

И еще несколько красно-коричневых пятнышек на осколке стекла.

Том осторожно поднял осколок. Это действительно была кровь, и он был уверен, что не его. Ночью он просто перевернул рюкзак, чтобы достать то, что было нужно, и не совал туда руку.

Однако, похоже, туда сунул лапу медведь.

Вряд ли он мог почуять еду – в рюкзаке ее не было и не бывало никогда, – но запах алкоголя был достаточно силен. Возможно, зверю он уже был знаком по мусорным свалкам на окраинах маленьких городков. И вот почему, вероятно, он не стал его преследовать – он был слишком занят, пытаясь добраться до выпивки.

Том поспешно положил кусок стекла обратно. Реальность того, что произошло ночью, до этого была скрыта от него похмельем, темнотой и отрывочными

фрагментами лихорадочного сна. Теперь же он наглядно осознал, что могло произойти.

На него едва не напал медведь.

О господи.

Он с трудом поднялся на ноги. Здесь не стоило оставаться. Ему не хотелось быть на этом месте, когда зверь снова почует запах и решит вернуться. Схватив уцелевшую бутылку, Том положил ее в рюкзак и, уже собираясь уходить, заметил что-то, застрявшее в кустах справа.

Ему потребовалось лишь мгновение, чтобы понять, что это волосы. Довольно длинные, темно-коричневые. Несколько густых прядей, зацепившихся за колючие ветви.

Он попытался представить себе медведя. Он знал, что у них не слишком короткая шерсть, как у кошек и прочих, но эти волосы имели в длину от шести до девяти дюймов. Мог ли медведь быть настолько лохматым?

У Тома неожиданно возникло страстное желание оказаться где-нибудь в другом месте, как бы ни тяжело было туда добраться. Требовалось лишь приложить к этому все силы.

Он быстро выбрался и огляделся в поисках фонаря. А потом увидел следы на снегу и понял, что все-таки это был вовсе не медведь.

Глава 4

В восемь часов утра, в Северном Голливуде, офицер Стив Райан сидел в патрульной машине, ожидая, когда подойдет Крис Петерсон, который отправился через улицу за кофе. У офицера Петерсона это занимало некоторое время, поскольку он любил быстро перекусить на посту, о чем, как он думал, Райан не знал. Но через два года обычно узнаешь весьма немало о человеке, с которым приходится делить машину. У Криса подобный быстрый завтрак вошел

в привычку в последние шесть недель, так как его жена увлеклась какой-то новомодной диетой, что означало, по сути, отсутствие в доме чего-либо съедобного вообще. Кое-как он выдерживал ее бесконечные рекомендации – это есть можно, это нельзя, и вообще нельзя много есть, хотя полицейскому на диете несладко, если учесть, что постоянно приходится выслушивать насмешки со стороны сослуживцев, особенно женщин. Так что если он и восполнял недостаток углеводов, перехватывая какой-нибудь пирожок перед сменой – а в этом можно было не сомневаться, поскольку он всегда возвращался, глядя вдаль и вытирая липкие пальцы о брюки, к тому же с недавних пор он сам вызывался покупать по утрам кофе, хотя раньше его из машины было не выпихнуть, – то Райан не делал из этого особой проблемы. Он знал, как это бывает с женами.

Глядя из-под полуприкрытых век на падающие сквозь ветровое стекло лучи солнца, он втайне радовался лишним пяти минутам отдыха. Он чувствовал себя крайне уставшим, глаза покраснели, плечи болели. До трех часов ночи он разговаривал с Моникой. Тема разговора была все той же, и, как обычно, он завершился ничем. Дело было вовсе не в том, что ему не хотелось иметь детей – как раз очень даже хотелось. Дело было в том, что они безуспешно пытались сделать это уже в течение двух лет, с интервалом в месяц, и сам процесс постепенно переставал доставлять ему удовольствие. Как бы ты ни любил свою жену и какой бы привлекательной ты ее до сих пор ни считал, необходимость заниматься сексом во вполне определенное время, практически полностью воздерживаясь в течение остального месяца, в конечном счете превратилась для него в рутинную работу – а работа у него уже имелась и без того. Да, особых успехов они так и не добились, но, по крайней мере, еще оставалась надежда, что препятствием является все же не биологический фактор.

Он подружился с некоторыми детективами – ни на чем особо не настаивая, просто слушая и пытаясь понять, чем именно они занимаются и о чем думают. Если его отцу так и не удалось подняться по служебной лестнице, это вовсе не означало, что подобное не удастся и ему. Случиться могло всякое, и он это знал. Достаточно было оказаться в нужном месте в нужное время, принять участие в аресте опасного преступника – и вдруг оказывается, что тебе уже больше не нужно торчать в машине, проверяя, не лезет ли кто в окно, или улаживая семейные ссоры (Райану хорошо были знакомы жены любых разновидностей, и о мужьях он тоже узнал немало), или гоняться по переулкам за пьяницами, в то время как их дружки с гоготом швыряют в тебя пустые бутылки.

Неожиданно ты становишься частью команды, и вполне можно рассчитывать, что жизнь вскоре станет не столь однообразной. Все зависело от собственного упорного труда и везения, и Райан не имел ничего против.

Больше всего изматывали ситуации, когда от его упорства ничего не зависело, когда о везении не было и речи, и это невозможно было объяснить тем, кто воспринимал мир таким, каким они хотели его видеть, а не таким, каким он был на самом деле. Моника очень расстраивалась, когда они говорили на эту тему, и он ее в том не винил – его и самого все это вгоняло в основательную депрессию. Он хотел стать отцом. Очень хотел. Он даже рассматривал вариант зачатия ребенка в пробирке – конечно, если у них хватит на это денег. Прошлой ночью он так и сказал, что, впрочем, мало чем помогло, поскольку потом разговор зашел о том, что вряд ли они смогут себе это позволить, и в итоге их вновь начал затягивать бурлящий водоворот отчаяния. Он сказал, что, возможно, смогут, если станут экономить, не будут несколько лет брать отпуск и у него будет своя команда. Она сказала – нет, не смогут. Он сказал – может быть, и да. Она сказала «нет» и расплакалась... И так продолжалось до тех пор, пока ему не стало больше нечего сказать, к тому же было уже три часа, никому из них не стало хоть сколько-нибудь легче, а ему действительно нужно было поспать.

Когда он уходил утром, она вела себя необычно тихо – возможно, просто упала духом. Он собирался чуть позже позвонить ей, убедиться, что все в порядке. Если, конечно, он когда-нибудь стронется с этого места. Что, черт возьми, Крис там так долго делает? За это время он сам успел бы сходить в «Денни» и съесть целый завтрак, включая жареную картошку и тосты.

Райан наклонился к пассажирскому сиденью и бросил взгляд на напарника, который стоял у прилавка, запихивая что-то себе в рот. Он улыбнулся и откинулся на спинку сиденья. Ладно, пусть человек поест. Рация пока что молчала. Впрочем, вряд ли в городе внезапно исчезли все преступники и его с напарником отправят по домам, не заплатив. Подобное было слишком маловероятно.

– Доброе утро, – услышался чей-то голос.

Райан повернулся и увидел стоявшего на тротуаре парня в зеленых военных брюках и серой жилетке. Солнце светило ему в затылок. Волосы были коротко подстрижены, и на загорелом лице выделялись маленькие круглые очки. Он ничем не отличался от тех, кого можно встретить на улице или на пляже, и уж

тем более вряд ли можно было ожидать от него того, что он сделал после: достал из-за спины большой пистолет и дважды выстрелил Стиву Райану в голову.

Когда Нина добралась до места, дорога была перекрыта и уже собралась приличных размеров толпа – в основном штатских, но немало было и полицейских. Они стояли небольшими группами, злые и раздраженные, стараясь держаться поодаль от скамейки, на которой сидел высокий рыжеволосый полисмен, уставившись в тротуар. По обе стороны от него стояли еще два офицера, мужчина и женщина. Рука женщины лежала на его плече, а мужчина что-то говорил. Впрочем, вряд ли от этого патрульному Петерсону легче было примириться с фактом, что его напарника застрелили, пока он перекусывал в забегаловке напротив.

Остановив машину, Нина быстро перешла через дорогу, увидев, что Монро уже здесь и о чем-то громко разглагольствует. Двое полицейских подняли было руки при ее приближении, но она уже держала наготове удостоверение.

– Нина Бейнэм, – сказала она. – Бюро.

Иногда она говорила Бюро вместо ФБР, и порой ей помогало, когда она употребляла этот более разговорный термин, который они вполне могли бы употреблять и сами. Однако сегодня это слово однозначно не могло послужить пропуском. Весь вид полицейских говорил ей только одно: что, черт побери, ты тут делаешь?

Нина подумала о том же самом. Она подошла к Монро, который оторвался от беседы с двумя другими полицейскими и быстро, без какого-либо вступления заговорил:

– Двое свидетелей. Один видел, что произошло, из окна третьего этажа, – он показал через улицу на обшарпанное здание с выцветшими вывесками, обещавшими сдачу квартир на неделю по подозрительно низким ценам, – а второй был в кафе. Райан и Петерсон приезжают сюда примерно в семь тридцать; Петерсон идет в кафе через улицу, оставив Райана в машине. Райан сидит с закрытыми глазами и не видит коротко подстриженного белого мужчину в очках, сухощавого телосложения, одетого то ли в зеленое и коричневое, то ли

в коричневое и серое, который подходит с той стороны и приближается к машине, держа руку за спиной.

Ее шеф показал на пологий склон, ведущий к автостоянке возле двухэтажного здания мотеля «Найтс».

– Парень останавливается рядом с патрульной машиной, что-то говорит, а затем стреляет. Бам, бам. Потом исчезает.

– Как это – исчезает? – спросила Нина, глядя по сторонам. – Ведь напарник погибшего находился всего в тридцати футах отсюда?

Монро кивнул в сторону расположенного чуть дальше переулка:

– Со скоростью звука. Пистолет нашли здесь. Когда Петерсон услышал выстрелы, увидел, что с Райаном, и побежал, было уже поздно. Стрелявший скрылся.

Он направился в сторону мотеля. Нина рядом с ним.

– Никто ничего не знает о Райане, кроме того, что он достойный полицейский. Не самый умный, привыкший к размеренной жизни, но с работой вполне справлялся. Ничего не известно о том, что он был замешан в каких-то грязных делах. Так что, похоже, на данный момент мы имеем случайное убийство полицейского каким-то психопатом – по крайней мере, пока не поговорим со здешним управляющим.

Ворота «Найтса» были достаточно широки, чтобы через них могла проехать машина. Однако в этом не было никакого смысла, поскольку внутри находился лишь небольшой, поросший кустарником дворик с остатками давно бездействующего каменного фонтана. Чахлая растительность пыталась доказать, что жизнь возможна в любых условиях. Справа стояли автоматы для продажи льда и кока-колы. По другую сторону толпились полицейские, неохотно расступавшиеся перед Монро, который вел Нину к стеклянным дверям конторы с правой стороны. У них был такой вид, словно им помешали делать работу, которую они считали своей. В конторе находились еще четверо полицейских, а также толстяк в мешковатых джинсах и белоснежной футболке.

– Расскажите нам то же самое, что рассказывали им, – сказал толстяку Монро. Он был высок и широкоплеч, с короткой стрижкой, и люди предпочитали отвечать, когда он задавал им вопросы.

– Я ничего не знаю, – проскулил толстяк совсем другим тоном, чем в первый раз. – Просто девчонка из двенадцатого сказала, когда выписывалась, что слышала какой-то шум за стеной. Это было пару дней назад. Я и офицеру-то сообщил об этом только потому, что он сказал, будто парень, который застрелил копа, был коротко подстрижен и в очках, ну я и подумал, что на самом деле парень из одиннадцатого выглядел похоже.

Нина кивнула. Взгляд ее был направлен на журнал, наполовину скрытый за стойкой. Управляющий увидел, куда она смотрит, и слегка заволновался.

– Обожаю такие вещи, – сказала она, снова глядя на него. – Так и хочется оттрахать всех парней на планете. Хотите, прямо здесь и сейчас?

Управляющий отвел взгляд.

– Так я и думала, – сказала Нина. – Ладно, дайте пока ключи от номеров десять, одиннадцать и двенадцать.

Монро взял ключи и дал знак троим полицейским, которые последовали за ними во двор. Номер одиннадцать находился через четыре двери по правую сторону. Занавески на окнах были задернуты. Двое полицейских получили ключи от комнат по обеим сторонам от него.

Достав оружие, они бесшумно открыли двери, широко распахнули их и проскользнули внутрь комнат.

Минуту спустя оба снова вышли. Один из них покачал головой. Второй сказал:

– Я что-то слышал. Как будто кто-то разговаривает.

– Там три помещения, – заметил первый. – Гостиная, спальня и ванная.

– Ладно, – сказал Монро.

На мгновение Нине показалось, что он хотел дать одному из полицейских и оставшийся ключ, но потом понял, как бы подобное выглядело. Именно за это, а также за то, что люди словно не имели для них никакого значения, полицейские и не питали к фэбээровцам братских чувств. Нина достала свой пистолет, держа его двумя вытянутыми руками, так, чтобы никто не заметил, что она слегка поморщилась. Прошло три месяца, но правая рука до сих пор действовала с некоторым трудом, хотя два врача и три физиотерапевта утверждали, что с ней все в порядке. Возможно, все дело в небольшом круглом шраме в правой верхней части груди, который пытался по-своему сказать ей, что хорошо знаком с пистолетами и не желает больше иметь с ними ничего общего. Ничего не поделаешь – агентам ФБР приходится носить оружие при себе постоянно. Что касается ее, то она даже спала, держа пистолет под кроватью.

Монро подошел к двери, Нина за ним. Он сказал полицейским, чтобы те были наготове, но не слишком спешили. Оба кивнули. Выглядели они сейчас куда более уверенно, чем она сама, но Нина прекрасно понимала, что иначе это было бы просто не по-мужски: никто из них не хотел показать слабость перед лицом коллег.

Монро вставил ключ в скважину и повернул. Немного подождав, он толкнул дверь, за которой открылось темное помещение. Занавески по другую сторону двери тоже были задернуты, и из-за них веяло теплом.

– ФБР, – ровным голосом произнес Монро. – Бросьте оружие и выходите с поднятыми руками. Первое и последнее предупреждение.

Изнутри не раздалось ни звука, и никто не появился. Старая загадка, предполагавшая лишь два варианта решения: либо там никого не было и им ничего не угрожало, либо там таился злодей, намеревавшийся пристрелить парочку полицейских.

С оружием наготове Нина шагнула в комнату.

Кромешная тьма. Спертый воздух. И очень, очень тепло, будто кто-то выключил кондиционер сутки назад. Квадратное помещение, потрепанный диван, два стула, стол, большой доисторический телевизор. Никаких явных следов чьего-то присутствия. Мерцающий свет из-за приоткрытой двери в углу.

И негромкий звук. Вероятнее всего, телевизор.

Кто его смотрит?

Нина отошла в сторону, пропуская вперед Монро. Он бесшумно вошел, дав знак полицейским оставаться на месте. Как только он занял позицию у двери в другую комнату, она беззвучно переместилась к шкафу и, выставив перед собой пистолет, открыла шкаф.

Внутри не оказалось ничего, кроме пыли. Оставив шкаф открытым, она повернулась и кивнула Монро. Полицейские в дверях стояли с пистолетами наготове. Монро шагнул к двери во вторую комнату. Нина остановилась в ярде у него за спиной.

Дальше события разворачивались стремительно.

Монро осторожно толкает дверь левой рукой. Она открывается, и за ней обнаруживается спальня, которую освещает тусклый серовато-белый свет и из которой доносится шелестящий звук, перемежающийся низким гудением. Это наверняка телевизор. Иногда люди забывают его выключить, уезжая. Видимо, думают: какая разница, все равно не я плачу за электричество.

Монро переступает порог. Проходит секунда. Он делает еще шаг и быстро поворачивается, направив куда-то пистолет. Куда именно – Нина пока не видит.

Однако она видит, как вздрагивает спина Монро, словно его нога оказалась на два фунта ниже, чем он ожидал.

Еще одна долгая секунда.

– Мэм?

У Нины холодеет внутри. Она слышит, как Монро судорожно сглатывает слюну. Он ошеломленно смотрит перед собой, готовый выстрелить в любой момент. Потом делает еще полшага, наклоняется и смотрит вверх, после чего исчезает из поля зрения. Несколько мгновений царит полная тишина, затем раздается легкий шорох. Снова тишина.

- Нина, - наконец говорит он, - идите сюда.

Поняв, что он имеет в виду только ее, она подняла руку, давая знак остальным не двигаться с места. Другую руку она слегка опустила, однако еще не была готова убрать оружие.

В спальне казалось еще жарче, чем в первой комнате. Чувствовался сильный запах. Слева тихо бормотал телевизор, закрепленный высоко на стене. Монро стоял по другую сторону двуспальной кровати.

На кровати сидела женщина и смотрела телевизор. Ей было лет двадцать пять, может, чуть больше. Длинные каштановые волосы падали ей на плечи. Она не пошевелилась, когда вошла Нина, поскольку была мертва. Она сидела выпрямившись, слегка наклонив вперед голову. На ней была поношенная голубая пижама в цветочек. Живот ее начал раздуваться, а лицо напоминало раскрашенный пластилин. Глаза открыты, как и рот, в который что-то было засунуто.

- Господи, - сказала Нина.

Она наклонилась. Предмет во рту женщины был размером с небольшой блокнот, примерно в четверть дюйма толщиной, два дюйма в ширину и, вероятно, три с небольшим дюйма в длину, хотя это трудно было точно определить, не вынимая его. Он был сделан из блестящего металла, и вдоль выступающего конца тянулась узкая полоска цифр и черточек.

- Что это, черт побери? - спросил Монро.

Он тяжело дышал, и на лбу его блестел пот.

Нина покачала головой:

- Не знаю.

Полчаса спустя Нина вышла на улицу. Прибыла первая бригада судмедэкспертов. Из-за задернутых занавесок и жары Нине казалось, будто они

толпятся в каком-то адском кухонном шкафу. Она тщательно обследовала номер, что в любом случае проще, когда знаешь, что в тебя никто не станет стрелять, а затем ушла. Монро остался внутри. Чтобы выгнать его оттуда, потребовалось бы прибытие толпы журналистов с камерами.

Других трупов в номере не оказалось. Монро уже осмотрел ванную – именно тогда Нина и слышала странный шорох. Никаких личных вещей там не обнаружилось. Не было и никаких следов одежды, которая должна была быть на женщине, когда она появилась здесь. Нельзя же явиться в мотель, даже такой, как «Найтс», в пижаме. Кроме того, женщины обычно берут с собой туалетные принадлежности, дамскую сумочку. Не нашлось и какого-либо удостоверения личности. Полицейские уже просматривали сообщения о пропавших без вести, но что-то подсказывало Нине, что новостей в ближайшее время ждать не стоит.

Она прошла через залитый солнцем двор, заполненный полицейскими и перемещающимися туда-сюда штатскими, которые полагали, что смогут быстро убраться из этой обители смерти и вернуться к своим повседневным делам, но им еще предстояло провести здесь много часов, отвечая на бесконечные вопросы. Вечером о случившемся наверняка расскажут по телевидению, и средства массовой информации будут повторять название мотеля снова и снова, превращая его в одно из тех мест, которые останутся в памяти на годы, а возможно, и десятилетия. В любом случае об этом вряд ли скоро забудут, по крайней мере, уж точно не та женщина, которую Нина увидела, выходя со двора и направляясь к автостоянке. Патрульный Петерсон все так же сидел на скамейке. Двое его коллег пытались успокоить эту женщину, которую звали Моника и которая, приехав, обнаружила, что тело ее мужа уже отправили в морг. Теперь она кричала на его бывшего напарника, поскольку больше ей ничего не оставалось.

Лишь выйдя за ворота и оказавшись в некотором отдалении, Нина достала свой мобильник. Отойдя туда, где ее не могли услышать, она нажала на кнопку вызова номера Зандта. Он не ответил после двенадцати звонков, и включился автоответчик.

– Привет, это я, – сказала она. – Я знаю, что ты больше не хочешь об этом говорить, но ты мог бы мне помочь.

Она поколебалась, не зная, что еще сказать, затем добавила:

- Надеюсь, у тебя все в порядке.

Отключив связь, она некоторое время стояла в нерешительности. На мгновение у нее возникло странное ощущение, будто кто-то за ней наблюдает.

Она повернулась, но вокруг никого не было. По крайней мере, она никого не увидела.

В начале третьего они сидели на улице рядом с небольшим кафе через полквартиры от «Найтса». Нина помешивала кофе в чашке, а ее шеф разговаривал по телефону. Все полицейские машины, кроме одной, разъехались по делам, но со своего места она видела четыре автомобиля без опознавательных знаков, которые имели к расследованию непосредственное отношение. Потягивая кофе, она наблюдала, как из номера одиннадцать извлекают все новые предметы с целью подвергнуть их тщательному анализу. Было установлено, что номер сняли пять дней назад, заплатив вперед. Нина надеялась, что управляющего сейчас допрашивают в очередной раз, причем не спеша и в жарком душном помещении.

Монро закрыл свой телефон.

- Все, - удовлетворенно сказал он. - Олбрич собирает оперативную группу, в которую, естественно, входим и мы, и весь отдел по расследованию тяжких преступлений. Дело нешуточное. Вокруг полно основательно рассерженных полицейских, и мне не хотелось бы с кем-нибудь из них встретиться в темном переулке.

- Полицейского застрелили среди бела дня. Даже для психа это из ряда вон выходящий поступок.

- Психа?

- Да ладно вам, Чарльз.

Нина перестала пользоваться официальной терминологией примерно с тех пор, когда ей пришлось помогать извлекать из мусорного бака чернокожего

мальчишку. Парень пролежал там неделю, в такую же жаркую погоду, как и сегодня. Его мать опознала тело, а три недели спустя покончила с собой, бросившись с моста. Это случилось несколько лет назад. Монро же до сих пор старался употреблять нейтральные определения для тех, чьи деяния приводили к гибели целых семей.

- Как вы его еще назовете? Человеком неадекватного поведения?

- Нужно действовать быстро, - сказал Монро, не обратив внимания на ее слова. - Убийство полицейского среди бела дня. Этот человек больше не отдает себе отчета в том, что делает, и нужно как можно скорее его найти.

Нина закатила глаза. Да, конечно, не отдает себе отчета в своих действиях и прямо-таки умоляет, чтобы его поймали. И тем не менее его нигде нет. Самым значительным расследованием, в котором она до сих пор принимала участие - по крайней мере официально, - было дело о серии убийств, совершенных «мальчиком на посылках» в 1999-2000 годах. Здесь же, в Лос-Анджелесе, и тогда она тоже работала вместе с Чарльзом Монро. Тогда Чарльз также высказывал подобные предположения о человеке, лишившем жизни трех умных и практичных девушек, не оставив никаких следов. После этого он совершил еще несколько убийств, а затем исчез, и его так и не удалось поймать. Монро перешел на другую работу, с повышением. Родители девушек продолжали жить надеждой, что убийца все же будет найден.

- Вопрос в том, будут ли еще жертвы?

- Да, вполне возможно. Я же говорю. Если только...

- Нет, я имею в виду - убивал ли он кого-то до нее? Если это конец, то где начало? Что привело его сюда? Откуда он вообще взялся?

- Этим уже занимаются другие, пока мы с вами тут разговариваем.

- К тому же мы до сих пор не имеем понятия, кто она.

- Ни сумочки, ни каких-либо вещей, кроме старой пижамы. Придурок за стойкой утверждает, что ни разу ее не видел. Как только ее немного приведут в порядок,

сделают фото, к вечеру с ним выйдут на улицы. Знаете, что за штука была у нее во рту?

Нина покачала головой, ощущая на языке медный привкус. Ей доводилось видеть немало трупов, некоторые в таком состоянии, что ей даже не хотелось об этом вспоминать. Изнасилование воспринималось почти как должное. Но если жертве засовывали что-то в рот или уродовали глаза, лицо или руки – это означало, что убийца бросает вызов обществу, словно говоря всем: «Смотрите, что я сделал». Ей казалось, будто это часть некоего магического ритуала, направленного на то, чтобы изменить мир.

– Жесткий диск, – сказал Монро. – Маленький, такой же, как в ноутбуках. Один из наших техников узнал его еще до того, как его вынули из ее рта.

– Никаких отпечатков?

Он покачал головой:

– Все чисто. Но сейчас в лаборатории выясняют, что еще он может нам дать. Для начала – на нем есть серийный номер. Он где-то изготовлен, где-то куплен. И естественно, на нем могло кое-что остаться. К вечеру будем знать.

На этот раз он заметил выражение лица Нины.

– Он оставил его там с определенной целью, Нина. Давайте работать дальше.

Он встал, одновременно набирая на мобильнике еще один номер. Нина подумала, что ей сейчас не хотелось бы быть на месте телефона Чарльза Монро, слишком уж неблагоприятная была у того работа.

Она допила кофе, заметив критический взгляд Монро.

– Что такое, Чарльз?

– Как ваша рука?

– Все отлично, – раздраженно ответила она.

Он спрашивал вовсе не о руке – он напоминал ей о незавершенном деле и о том, почему возобновились их профессиональные отношения, и она это поняла.

– Как новенькая.

Он хотел сказать что-то еще, но тут ему ответили по телефону, и он пошел прочь, разговаривая на ходу. Кто-то сейчас убеждался в том, насколько хорошо Монро умеет командовать, насколько он владеет собой и насколько он сейчас на своем месте.

Шагая следом за ним, Нина проверила собственный телефон раз уже, наверное, двадцатый. Увидев, что наконец-то пришло сообщение от Зандта, она быстро вывела его на экран.

«Я во Флориде», – говорилось там.

– О, черт бы тебя побрал, – пробормотала она, сунула телефон обратно в сумочку и вышла под палящие лучи солнца.

Глава 5

Я поселился в отеле «Армада» на Пауэлл-стрит, в центре Сан-Франциско, недалеко от Юнион-сквер. Отель привлекал своими высокими ценами, а также парнем в форме испанского солдата, стоявшим на тротуаре у дверей. Проходившие мимо туристы фотографировались вместе с этим костюмированным красавцем, вероятно, для того, чтобы дома рассказать друзьям, что они здесь были. К тому времени, когда я наконец устроился, было уже достаточно поздно для того, чтобы заниматься делами, и я пошел прогуляться.

Шагая по улице, я размышлял о том, что стало мне известно за последние месяцы. Получалось, я ошибался почти во всем, что касалось моей собственной жизни. Я считал, что родился в семье Дона и Бет Хопкинс в Северной Калифорнии, где те вели спокойную, размеренную жизнь. Они подстригали газоны во дворе, держали машину в чистоте и покупали достаточно

материальных благ для того, чтобы боги коммерции были к ним благосклонны. Отец занимался торговлей недвижимостью и, после того как я покинул дом, продолжал добиваться определенных успехов, продавая дорогие дома, пока автокатастрофа не оборвала жизнь его и матери. Однако на следующий день после похорон, когда я пришел в их дом, пытаюсь понять, что делать с ним дальше, я нашел записку, спрятанную таким образом, что обнаружить ее мог только тот, кто очень хорошо знал моего отца.

В записке коротко сообщалось, что они не умерли.

Подобное известие относится к тем, которые хотел бы услышать каждый – вернее, каждый, чьим отношениям с родителями препятствует лишь расстояние, – и этого было достаточно, чтобы остаток дня я потратил на обыск дома. Я нашел видеокассету, оставленную отцом в видеомэгнитофоне у него в кабинете, и именно тогда я понял, насколько ошибался относительно собственной жизни. Ошибался – или преднамеренно был введен в заблуждение.

Я считал себя единственным ребенком. Однако часть видеозаписи показывала меня вместе с братом того же возраста, братом, которого умышленно бросили на городской улице где-то в конце шестидесятых.

Я считал гибель моих родителей случайностью. Оказалось, что они не мои родители и что это не случайность. Они стали жертвой группировки, к которой принадлежал мой родной отец тридцать пять лет назад. Эта группировка именовалась «Соломенные люди», и они считали себя единственной частью человечества, не зараженной вирусом, ставящим совесть выше хладнокровного индивидуализма, который они полагали неотъемлемо присущим человеку. Думали ли они так на самом деле, или же это являлось лишь удобным прикрытием для жестоких и безнравственных поступков – осталось невыясненным. Однако ясно было, что группировка эта весьма богата и обладает хорошими связями. Не менее очевиден был тот факт, что их главарь, называвший себя «человеком прямоходящим», но которого более точно можно было бы назвать именем Пол, тот самый мой брошенный брат, – невероятно опасен. За день до гибели Бобби Найгарда мы вместе смотрели правительственную видеозапись, содержащую сведения о жестоких преступлениях, совершенных за последние двадцать лет. Расстрелы, взрывы, массовые убийства. Было ясно, что «человек прямоходящий» причастен ко многим из этих событий: всем своим видом он выражал безмолвное торжество. Вдобавок ко всему он выступал в роли поставщика для обитателей Холлса,

группы людей – среди которых, насколько мне известно, были и женщины, – совершавших обдуманное и хладнокровное серийное убийство. И в довершение всего он выглядел в точности так же, как и я.

Первые мои шаги были достаточно просты. Свое расследование я начал в ста милях от Релента, сидя с ноутбуком в баре, в котором имелся доступ к Сети. Мне не по себе было от мысли, что кто-то может подумать, будто я пишу роман, и я то и дело бросал яростные взгляды на ободряюще улыбавшихся мне посетителей, но другого выхода у меня просто не было. Первое, что следовало сделать, – убедиться, что моего брата бросили именно в том городе, где я предполагал. Пол в свое время прислал мне сообщение, в котором заявлял, будто его оставили в детстве в Сан-Франциско, но я не был склонен верить каким бы то ни было его словам без соответствующих доказательств. У меня же не было ничего, кроме небольшого фрагмента в конце видеозаписи, которую оставил мне отец и которую я перевел в DVD-формат.

Фрагмент этот состоял из трех частей. В первой было показано путешествие на поезде. Сведения, которые могли бы говорить о том, где именно это происходит, отсутствовали, но я знал отца достаточно хорошо, чтобы не сомневаться: эту сцену он включил в видеофрагмент не просто так. Размытые цвета переведенного с восьмимиллиметровой пленки фильма, а также прическа и одежда моей матери могли точнее датировать сцену, но время действия я мог определить и без того, увидев самого себя в двухлетнем возрасте. Так что, скорее всего, первая часть была намеком на то, что путешествие было довольно далеким, чтобы имело смысл ехать поездом, но не настолько, чтобы лететь самолетом, то есть мне на выбор оставалось тридцать или сорок больших и малых городов в Северной Калифорнии или Орегоне.

Затем шла сцена, снятая на широкой улице в центре города. Камера следовала за матерью, которая шагала по тротуару, опустив руки, находившиеся вне кадра. Как можно было понять из финальной сцены, она держала за руки двух маленьких мальчиков. Больше смотреть там было особо не на что, кроме как на образцы моды конца шестидесятых – костюмы, автомобили, витрины, при виде которых оставалось лишь удивляться, как в то время вообще удавалось заставить кого-либо что-то купить. Ничего особо примечательного, кроме...

Я остановил изображение. На правой стороне улицы виднелся небольшой универсальный магазин напротив поросшего травой сквера. Я с трудом сумел разобрать его название – «Ханнингтон».

Через десять минут поиска в Сети я выяснил, что в Соединенных Штатах нет ныне существующих магазинов с таким названием, по крайней мере тех, о которых было известно в Интернете. Пришлось отказаться от научных методов поиска и начать рассуждать логически.

Найдя несколько сайтов на тему «Сан-Франциско в прошлом», я немного порылся в воспоминаниях жителей города о его былых днях. У меня все плыло перед глазами, когда я наконец нашел упоминание о том, как одну маленькую девочку, теперь уже давно взрослую, ее давно умершая мать водила каждую субботу в роскошный галантерейный отдел магазина под названием «Харрингтон». Они не могли позволить себе что-либо купить, просто ходили и смотрели. Что ж, подобное мне было хорошо знакомо.

Я снова взглянул на остановленный кадр и понял, что действительно мог неправильно прочитать вывеску. Угол зрения был не слишком удачным, а от солнечных лучей на пленке образовалась легкая дымка, которую трудно было предвидеть в момент съемки. Вскоре выяснилось, что действующих магазинов «Харрингтон» тоже нет ни на Западном побережье, ни где-либо еще. Казалось маловероятным, чтобы существовали два универмага с почти одинаковым названием и оба разорились. Дальнейший поиск в Сети позволил установить, что магазин в свое время находился на Фенвик-стрит и считался тогда вполне перспективным. Во всяком случае, отец мог надеяться, что он останется там навсегда.

Итак, я решил, что насчет Сан-Франциско сомнений больше нет. Мой брат, судя по всему, был способен говорить правду.

Фенвик-стрит находилась в десяти минутах ходьбы от отеля. На улицах полно было людей, просто прогуливающихся или делающих покупки, и их фигуры отбрасывали длинные тени на чистые серые плиты тротуара. Хотя улицу расширили и архитектура первых этажей почти везде изменилась, нетрудно было понять, что я нашел именно то, что искал.

Оказавшись напротив большого здания, где когда-то находился «Харрингтон», я остановился. Люди огибали меня, как плывущие по течению листья огибают выступающий из воды камень. Первый этаж магазина был разделен на две части, и теперь там находились магазин одежды «Гэп» и большой салон

красоты, из которого выходили женщины всех возрастов с радостным выражением на лице и маленькими сумочками в руках. Верхние этажи, судя по всему, занимали адвокатские конторы.

Я вдруг обнаружил, что смотрю на тротуар у себя под ногами. Я не помнил, чтобы когда-либо ходил здесь, но на самом деле – ходил, держась за руку матери. А отец нас снимал. Их больше не было в живых, но это место осталось там же, где и было, и я вместе с ним. Теперь я был старше, чем они тогда, но в то время мне было столько же, сколько малышу, которого катили сейчас мимо меня в коляске, крошечному существу, настолько непохожему на меня, что мне трудно было поверить, что когда-то я и сам был таким же.

Странная штука – время.

На следующее утро, в пять минут десятого, я сел за телефон. К половине одиннадцатого стало понятно, что от службы социального обеспечения информацию быстро не получишь. Я столько времени провел, нажимая кнопки многочисленных систем меню, что начал всерьез опасаться, что меня в конце концов соединят с самим собой. В итоге я просто вышел на улицу и отправился туда сам.

Через пять минут я пожалел, что не остался у телефона. Ничто лучше не напоминает о том, насколько тебе повезло, чем приемная любого учреждения, принадлежащего правительству или его сторонникам. Ты оказываешься вне места и вне времени. Ты сидишь на потертом стуле грязно-серо-зеленого цвета, который никто никогда не назвал бы своим любимым. Ты смотришь на объявления на стенах, которые не имеют для тебя никакого значения: ничего не значащие сообщения из мира, где забыли о пунктуации. Ты ждешь, пока ожидание не теряет всякий смысл, пока ты не превращаешься в камень, оставленный тысячелетия назад в поле беспечным ледником. Ты здесь – и это все, что тебе известно. Ты лишаешься какой бы то ни было индивидуальности, представления о том, что ты можешь чем-то отличаться от остальных в этом помещении, если не считать сущности твоей личной проблемы, и, кроме этой проблемы, для тебя не существует больше ничего. Человек предпочитает общество других людей, но не столь близкое и не в подобных обстоятельствах, когда чувствуешь себя маленьким и ничтожным и начинаешь ненавидеть всех вокруг, искренне желая соседу сдохнуть, чтобы иметь возможность переместиться на одно место в очереди.

Или, возможно, мне просто так казалось.

Я достаточно долго ждал, прежде чем сумел описать суть своего вопроса. Потом пришлось какое-то время объяснять чиновнику, что у меня нет постоянного места жительства, и убеждать его согласиться на адрес «Армады». Я рассказал, что у меня был брат, которого предположительно взяли под опеку в Сан-Франциско в середине или конце шестидесятых, вероятнее всего в 1967 году; что мне известно его имя – Пол, что я пытаюсь найти следы брата и что не располагаю никакой другой информацией, кроме того, что, когда брата нашли, на нем, возможно, был свитер с вышитым на груди именем. Чиновник записал все, что я рассказал, но взгляд его говорил, что мне предстоит долгий день. Наконец он выдал мне номер и отпустил обратно в толпу, со всеми ее проблемами, психозами и жалобами.

Двести тысяч лет спустя наконец подошла моя очередь. Меня провели по длинному коридору до кабинета в дальнем его конце, где за заваленным бумагами столом сидела средних лет негритянка. Судя по табличке на столе, ее звали миссис Мюриэль Дюпре. Стена позади нее была увешана плакатами, на которых было подчеркнуто каждое слово из трех и гарантировалась полная конфиденциальность.

– Ничем не могу вам помочь, – сказала она еще до того, как я успел сесть.

Я все-таки сел.

– Почему?

– Это было слишком давно, вот почему. – Она заглянула в лежавший перед ней листок. – Здесь говорится, что речь идет о вашем брате и что, по вашему мнению, это произошло в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году. То есть еще до меня – надеюсь, вы понимаете. К тому же задолго до того, как появилось многое другое. Для начала – вот это.

Она кивнула в сторону компьютера, столь древнего, что я не доверил бы ему даже роль подставки для моего ноутбука.

– Данные начали переводить в электронную форму только лет двадцать назад, кроме того, в восемьдесят втором у нас был крупный пожар, который уничтожил все папки и магнитные ленты в подвале, так что большая часть информации, предшествовавшей этой дате, безвозвратно погибла. Даже если по вашему вопросу и имелись какие-то записи и они не сгорели, вряд ли их было много, и сейчас больше шансов было бы отыскать Бога, чем их. Я не имею в виду вас лично. Возможно, вы с Ним уже знакомы, и тогда могу вам только позавидовать.

Увидев разочарование на моем лице, она пожала плечами.

– Тогда все было иначе. Сейчас никто просто так не отдает детей на усыновление – все обговаривается заранее, составляется соответствующий контракт, и все понимают, что начинать с чистого листа не самое лучшее для ребенка, что ребенок должен знать о своем прошлом, и так далее. Но раньше было просто: «Что ж, мы приняли тебя в свою семью. Добро пожаловать в новую жизнь. И не оглядывайся назад – там все равно не было ничего хорошего». Детям меняли имена, даты рождения и прочее. Знаете, откуда пошло выражение «отдать на усыновление»?

Я покачал головой. Этого я не знал, да меня это особо и не интересовало, но миссис Дюпре явно видела во мне возможность устроить себе пятиминутный перерыв от общения с теми, кто стал бы на нее кричать.

– Когда-то очень давно детей-сирот забирали из городов на побережье и сажали на поезда. Их вывозили в сельскую местность и высаживали на крошечных полустанках, в буквальном смысле отдавая их какому-нибудь фермеру, у которого в доме было немного свободного места и который, естественно, нуждался в дополнительных рабочих руках. Вот тебе ребенок. Твое дело – его кормить. И все. Прошлое мертво, его больше нет. Я вовсе не говорю, что и в шестидесятые все было точно так же, но в каком-то смысле – да. Часто детям вообще не говорили, что они приемные. В большинстве других случаев родители ждали, пока дети, по их мнению, не сделаются достаточно взрослыми, чтобы для них не стало шоком, что в момент их рождения мама с папой могли находиться от них за сотни миль. Конечно, такая система не слишком хороша, и сейчас мы это знаем, но тогда подобная практика считалась самой благоприятной – и не так уж мало детей, став взрослыми, жили счастливой полноценной жизнью. Дорогой, с вами все в порядке?

– Угу, – ответил я, поднимая взгляд от собственных рук, которые я рассматривал, думая о том, будет ли у меня когда-нибудь счастливая и полноценная жизнь. – Я просто не ожидал, что так скоро зайду в тупик. И... это очень важно для меня.

– Знаю. И понимаю.

Я покачал головой, желая оказаться где-нибудь в другом месте.

– Боюсь, не понимаете, но все равно – спасибо вам.

Я встал и направился к двери. Я уже взялся за ручку, когда она спросила:

– Вы больны?

Я в замешательстве обернулся. На мгновение мне показалось, будто она подразумевает нечто конкретное.

– В каком смысле?

Она подняла бровь:

– В том смысле, что вы обнаружили у себя болезнь, о которой должен знать кто-то другой, поскольку она может быть и у него?

Я посмотрел ей в глаза и решил солгать.

– Нет, – сказал я. – Со мной все в порядке. Зато с ним – нет.

Не глядя на нее, я прошел по длинному коридору и снова вышел во внешний мир, где можно было курить и дышать свежим воздухом и где мои проблемы касались только меня самого.

– И что теперь, Бобби?

Молчание. Он снова отсутствовал. Видимо, пребывал где-то в мире духов с кружкой пива и насмешливой улыбкой, пугая других призраков.

Близился вечер, и я тоже сидел с кружкой пива за столиком рядом с «Эспрессо», кафе-баром на углу напротив отеля. У меня страшно устали ноги – Сан-Франциско, конечно, довольно приятное место, но, честно говоря, чересчур холмистое.

После того как утром я потерпел полное фиаско, мне в голову пришла еще одна мысль. Возможно, Пол даже не попал в официальные данные. Возможно, его подобрала на улице и взяла к себе домой какая-нибудь добрая жена владельца магазина. Я знал, что это всего лишь фантазия, порожденная рассказом миссис Дюпре о детях, которых отправляли в поездах на Средний Запад, но каких-либо других вариантов я больше не видел, и нужно было что-то делать, чтобы его найти. Я и так слишком долго плыл по течению. Это была моя работа, и ничья больше.

В отсутствие каких-либо видимых свидетельств я попробовал подойти с другой стороны. Я знал, что мои родители были не из тех, кто просто бросил бы ребенка на съедение волкам. Вероятно, они оставили его в каком-то месте, которое не считали явно опасным и где было достаточно людей. Они шли пешком. Есть определенный предел расстояния, которое можно пройти с двумя двухлетними детьми. Следовательно, нужно было искать оживленное место, не слишком отдаленное от Юнион-сквер. В худшем случае оно могло оказаться и дальше, но поблизости от трамвайной линии.

Я купил карту и отправился в путь. И ничего не нашел, что означало: идти мне больше некуда. Пару месяцев назад я пытался ответить на электронное письмо, которое прислал мне Пол. Сообщение вернулось ко мне через час, с информацией о том, что адрес неизвестен и его невозможно найти. Его письма являлись лишь обращениями ко мне, но не попыткой установить контакт. Так что и там след искать было бессмысленно.

Допив пиво, я вернулся в отель. Проходя мимо стойки, я услышал, как кто-то позвал меня по имени. Я медленно обернулся.

Молодой парень за стойкой держал в руке листок бумаги.

– Вам записка.

Странно – никто не знал, где я. Те немногие, с кем мне хотелось бы общаться, позвонили бы на мобильник. Я подошел к стойке, чувствуя себя так, словно на спине у меня пришпилена мишень.

Взяв листок, я поблагодарил парня и, отойдя в сторону, развернул записку. Там говорилось:

«Возможно, эта женщина сумеет вам помочь. Если захочет».

Далее шел номер телефона этой неназванной женщины и имя того, кто оставил мне записку. Мюриэль Дюпре.

Телефонный звонок, визит в Сеть, короткий душ – а затем я снова спустился вниз и поймал такси на улице возле отеля. Мне не сразу удалось найти того, кто готов был ехать туда, куда было нужно – на другой берег залива и, как оказалось, еще намного дальше. Таксист, который наконец согласился, намеревался получить с меня дополнительное вознаграждение, заставив выслушивать свои бесконечные словоизлияния. К счастью, он был чересчур увлечен собственными рассуждениями, так что я лишь время от времени что-то ворчал и поддакивал, глядя на проносящийся за окном город, а затем пригороды.

Я звонил в службу социального обеспечения, надеясь поговорить с миссис Дюпре, но надежда оказалась тщетной. Лучше было поторопиться, чтобы успеть вовремя вернуться назад. Так что я до сих пор понятия не имел, с кем мне предстоит встретиться, но в Сети я выяснил, что телефонный номер принадлежит некоей миссис Кэмпбелл, а также узнал, где она живет. Да, Мюриэль явно рассчитывала, что я предварительно позвоню, договорюсь о встрече, объясню суть своего дела и вообще сделаю все как полагается. Так вот – я этого делать не стал. Я не знал, кто эта женщина и что, по мнению Мюриэль, она могла мне сказать, но опыт подсказывал: намного больше шансов узнать правду, если не предупреждать об этом заранее. Да, я знаю, о чем говорю. Мы познакомились с Бобби, когда вместе работали на ЦРУ.

Наконец водитель замолчал и начал то и дело заглядывать в карту. Мы ехали все дальше и дальше, пока в конце концов не оказались среди беспорядочно разбросанных обшарпанных белых домов, которые отнюдь нельзя было назвать мечтой риелтора. Некоторое время мы петляли между ними, прежде чем я не взял карту сам и не показал на ней нужное место. Мы остановились посреди улицы, застроенной маленькими деревянными домиками, каждый из которых был окружен забором.

Я вышел и расплатился. Вокруг не было ни души.

– Если ищете развлечений, то вы выбрали неподходящее место, – сказал водитель и уехал.

Я подождал, пока он скроется из виду, а затем прошел пятьдесят ярдов назад – я специально назвал водителю не совсем верный адрес. Два раза свернув, я оказался на нужной улице, а еще через три минуты – перед нужным мне домом.

Пройдя по короткой дорожке, я поднялся по двум ступенькам на крыльцо, не так давно покрашенное белой краской, но уже изрядно облупившееся. Я поискал звонок, но не нашел и просто постучал в дверь. У меня почти не было сомнений, что женщина окажется дома.

Несколько минут спустя за дверью послышался шорох, а затем она открылась. В тени виднелись очертания маленькой женской фигуры.

– Миссис Кэмпбелл? – спросил я.

Она ничего не ответила, лишь протянула руку к ширме и слегка ее отодвинула. Сквозь щель я увидел женщину лет семидесяти, с ухоженными волосами и темным морщинистым лицом, которая потрясенно смотрела на меня. Она заглянула мне в глаза, прошла взглядом по всей фигуре, затем снова посмотрела в глаза.

– Господи, – наконец сказала она, не отводя от меня взгляда. – Значит, это правда.

Когда зазвонил телефон, Нина сидела на своей так называемой веранде. Так называемой – потому что веранда все же предполагает некую степень расслабленности и комфорта, которую эта обеспечить не могла. Теоретически Нина была погружена в размышления, но, честно говоря, она спала. В конторе невозможно ни о чем нормально подумать из-за вечного шума и носящихся вверх-вниз мужчин, постоянно кричащих что-то в телефон. Она уже давно отметила для себя, что просто хорошо делать свою работу для мужчин недостаточно. Им требуется еще всеобщее признание того, что они действительно находятся на своем месте. На веранде думалось намного лучше, чем в остальной части дома. Нина знала, что давно следовало бы переехать. Особенно после того, как начались неприятности с Джоном: ей стало казаться, что дом устал от нее самой. Дом находился в горах Малибу, что на самом деле было очень даже неплохо, но она могла себе позволить снимать его лишь потому, что он уже разваливался. Полированный бетон на полу гостиной треснул посередине так, что в щель можно было засунуть три пальца. Бассейн расплавился во время лесного пожара задолго до того, как она сюда переехала. Один хороший толчок – и веранда рухнет в Тихий океан; два толчка – и дом последует за ней. Почему-то подобная перспектива никогда ее особо не беспокоила. Можно было выходить на веранду курить. Нина же здесь просто сидела.

Конец дня она провела на улицах и в конторах, а также у телефона, пытаясь получить хоть какую-то информацию о результатах экспертизы. Впрочем, пользы от нее оказалось немного. Пижама была куплена в «Уол-марте» – один из самых плохих вариантов, когда пытаешься проследить историю какого-либо предмета. Диск, извлеченный изо рта женщины, до сих пор анализировали; фотографию ее лица раздали детективам и патрульным, которые показывали ее прохожим в разных частях города. Впрочем, поиски могли продолжаться бесконечно. Женщина, когда-то симпатичная, теперь мертвая. Таких полно.

Вернувшись домой, она обнаружила на автоответчике сообщение и нажала на кнопку, думая, что, возможно, это Зандт с более конструктивным ответом на ее вопрос. Но оказалось, что звонила ее подруга Мередит, с которой они вместе учились в колледже. Нина не помнила, что именно они обсуждали по телефону в последний раз, но, судя по нынешнему звонку, речь шла о том, что прошел уже по крайней мере год с тех пор, как их небольшая компания старых друзей собиралась вместе.

Мерри жила в Долине и обзавелась мужем и тремя маленькими детьми без особых усилий, будто выиграв еженедельный конкурс. Теперь ее постоянно заботили проблемы, которые Нина считала тривиальными, непонятными или попросту несущественными, а ее прическа становилась все более неизменной. Скоро, подумала Нина, уже невозможно будет, глядя на нее, вспомнить те времена, когда они всю веселились на вечеринках в заставленных книгами домах преподавателей. Казалось, будто та девушка исчезла навсегда, оставшись в далеком прошлом и прислав вместо себя нынешнюю Мередит Джексон. Впрочем, и у нее, вероятно, вызвала такое же недоумение сама Нина, которая, с ее точки зрения, не хотела понимать, в чем состоит предназначение женщины. Нина знала, что дружеские отношения стоит поддерживать, но порой удивлялась, почему ей докучают. Возможно, Мередит нравилось иметь среди знакомых агента ФБР. Возможно, Нине нравилось верить, что у нее до сих пор остались какие-то связи с реальностью, что, за исключением постоянно окружавших ее убийц, письменных столов, мужчин в штатском и поздних вечеров, существуют и те, кому не нужно от нее ничего, кроме дружеской беседы, поддержки и улыбки.

Она так и не смогла заставить себя позвонить и вместо этого пошла на веранду, чтобы немного посидеть и подумать. В конечном счете оказалось, что она размышляет о том, насколько велика разница между ею, Мерри и молодой женщиной, обнаруженной сегодня утром в «Найтсе», и насколько велики должны быть перемены в жизни, чтобы жизнь эта завершилась в мотеле, среди облаков сигаретного дыма и незнакомых мужчин, явившихся, чтобы задокументировать твои последние мгновения под разговоры о последних спортивных событиях и замечания о твоих собственных сиськах.

Джон Зандт, который работал в отделе убийств полиции Лос-Анджелеса до того, как «мальчик на посылках» похитил его дочь, давным-давно поделился с ней своими замечаниями о том, насколько быстро жизнь девочки-подростка в Голливуде может переместиться из пункта А в пункт Б, затем из Б в пункт В, а из В – в холодильник морга. Они сами не знают, насколько легко и быстро это может произойти. На это требуются вовсе не годы, лишь месяцы, иногда недели. Подобное может случиться и за одну ночь. Вечером ты еще всеми любимый и избалованный ребенок, а на следующее мрачное утро ты уже лишилась всего, что так и не научилась в себе ценить. Все думают, будто ты звезда, но на самом деле ты всего лишь пушечное мясо, которое ждет своей очереди пережить предательство друзей, любовников и судьбы.

Нина вернулась в дом и налила себе стакан вина. Пятнадцать минут спустя она уже спала. Проснулась неожиданно, услышав телефонный звонок. Вскочила с кресла, чувствуя, что опоздала: похоже, телефон звонил уже давно, не в силах проникнуть в сон, где какой-то старик преследовал ее в темной комнате.

По дороге она умудрилась налететь на стеклянную дверь и кухонный стол и уже готова была обругать Зандта. Но на этот раз звонил не Джон, а Монро.

- Приезжайте, - с ходу сказал он. - Мы кое-что нашли.

Нина встретилась с Монро в кабинете Дуга Олбрича, лейтенанта специального отдела номер один - подразделения, занимавшегося тяжкими преступлениями. Дуг был высок и строен, с коротко подстриженными волосами.

- Привет, Дуг.

- Привет, Нина. Как дела?

- Все так же. Собственно говоря, я довольно давно уже не общалась с Джоном, но в любом случае не думаю, что в наших отношениях что-либо может измениться.

- Понял. Ладно, об этом позже.

Перед Олбричем лежала небольшая стопка бумаг и еще что-то в прозрачном пластиковом пакете. За другим столом в глубине помещения беседовали трое полицейских. Ближе к двери сидел худой негр в рубашке с длинным рукавом, который был Нине смутно знаком.

- Нина, это Винсент, - сказал Олбрич.

Тем временем Монро принес ей чашку кофе. Нина с благодарностью ее взяла.

- Помню, - ответила она. - Лабораторная крыса, так?

Монро нахмурился, но техник весело ухмыльнулся.

- Винс Уокер – супермен в области высоких технологий.

- Моя любимая область, – устало сказала Нина. – И что вы нам можете продемонстрировать, Винс?

- Вот это, – ответил Олбрич, подталкивая к ней пакет. – И то, что на нем было.

Извлеченный изо рта и очищенный от крови, предмет выглядел вполне обыденно. Два дюйма на четыре с половиной, четверть дюйма толщиной. Вдоль одного края – ряд позолоченных контактов, другой край – плоский. С верхней стороны на металлической пластине имелись две наклейки, когда-то белые, но теперь приобретшие неровный бледно-коричневый цвет. Снизу – узкие зеленые дорожки на печатной плате. Примерно на трети длины виднелся небольшой кружок, видимо точка, вокруг которой вращался диск во время работы. Наклейка на нем гласила: «В случае повреждения наклейки гарантийному обслуживанию не подлежит». Интересно, подумала Нина, сохраняется ли гарантия на диск, извлеченный изо рта мертвой женщины?

- Жесткий диск, – кивнула она.

У мужчин был такой вид, словно каждый пытался поставить добытые сведения в заслугу исключительно себе.

- Верно, – ответил Винс. – «Тошиба» эм-ка четыре тысячи триста девять. Объем чуть больше четырех гигабайт, по нынешним стандартам маловато, и, судя по серийному номеру, он изготовлен почти два года назад.

- Нам также удалось выяснить, что диск был установлен в компьютер, собранный в Японии и ввезенный в США в середине две тысячи второго года, – перебил его Монро. – Сейчас мы пытаемся проследить его путь. Возможно, это скажет нам о том, кто та женщина, а может быть, и нет.

- Наши люди до сих пор опрашивают прохожих, показывая им фотографии жертвы, – добавил Олбрич.

Нина уже встречалась с ним несколько раз, когда Зандт еще работал в отделе убийств, и тогда он произвел на нее впечатление самого неприметного из всех детективов, которых она когда-либо знала.

– Нам известно, что в день смерти она почти не ела, зато много пила. Два часа назад я вызвал из «Найтса» троих детективов, чтобы они еще раз прошлись по местным барам и клубам. В первый раз ничего выяснить не удалось, но...

– А в самом номере – никаких следов убийцы?

Он пожал плечами:

– Никаких отпечатков, никаких волокон, на жертве – тоже ничего. Ребята чуть ли не воздух профильтровали.

– Так что насчет диска?

– Он оказался пуст, – ответил Олбрич, – за исключением двух файлов.

– Двух файлов, – повторил техник, перехватывая инициативу. – Тот, который больше, – музыкальный фрагмент в формате MP3, на семь мегабайт.

– «Agnus Dei» из «Реквиема» Форе, – сказал Монро. – Судя по всему, вещь хорошо известная. Мы пытаемся выяснить, что это конкретно за запись, и, естественно, попытаемся проследить недавние продажи компакт-дисков, но вряд ли в этом направлении стоит на что-то рассчитывать. В конце концов, музыку могли просто скачать из Интернета.

– И?.. – устало спросила Нина.

– Вы уже спрашивали меня о том, откуда он мог появиться, – сказал Монро. – Вы говорили, что у него могло быть прошлое. Похоже, что вы правы.

Он подтолкнул к ней пачку листов.

– Читайте.

«„Сон – прекрасен. Смерть – еще прекраснее. Вообще не родиться – самое настоящее чудо“.

Его мать не позволяла бабушке курить в доме, и потому старая леди порой пребывала в дурном расположении духа, а иногда требовала, чтобы ее вынесли на крыльцо. Там ее и оставляли, независимо от того, насколько холодной или дождливой была погода. Мать никогда не помогала ей вернуться в дом и запрещала делать это ему. И не дай бог было ее послушаться. Бабушка оставалась на улице, пока ее дочь, смилостивившись, не забирала ее обратно, без особой нежности.

В один из таких дней, столь холодный, что с крыши свисали сосульки, он спросил ее, какой смысл торчать на крыльце, если в доме уютно и тепло.

Она некоторое время смотрела вдаль, и он уже начал сомневаться, что она вообще его слышит.

– Ты же знаешь старую шутку, – наконец сказала она. – Почему цыпленок перешел через дорогу?

Он ответил, что да, знает, чтобы попасть на другую сторону.

– Ну вот, и с сигаретами примерно так же.

– Не понимаю.

Она снова задумалась.

– В конце концов оказывается, что ты живешь не на той стороне дороги. Лучше, наверное, и не скажешь. Каждую ночь тебе приходится переходить на другую сторону в темноте, чтобы попасть домой. Ты не можешь заметить приближающихся машин, так как ветер заглушает все звуки, но все более или менее в порядке, поскольку дорога не слишком оживленная. Но чем дольше ты переходишь через нее туда и обратно в кромешной тьме, тем вероятнее, что рано или поздно тебя собьет машина. И машина эта называется „рак“, она большая и тяжелая и едет очень быстро, и если она на тебя наедет – ты умрешь.

- Но... зачем тогда переходить через дорогу?

Бабушка улыбнулась иссохшими губами.

- Чтобы попасть на другую сторону. - Она пожала плечами. - Понимаешь, уже слишком поздно. Когда стоишь одной ногой в могиле, остается лишь делать все возможное, чтобы не кончить жизнь не на той стороне дороги.

Она закашлялась и закурила новую сигарету. Глубоко затянувшись, посмотрела на тлеющий огонек.

- Никогда сам не начинай, слышишь?

- Не начну, - ответил он.

Он делал все, что мог, чтобы следовать ее совету. Он был очень осторожен с алкоголем, никогда не употреблял наркотиков, не предавался чревоугодию, не увлекался порнографией и вообще не позволял себе увлечься чем бы то ни было.

И тем не менее однажды ночью, всего лишь семь лет спустя, он обагрил свои руки кровью - и понял, что нашел свою собственную дорогу. Дорогу без возврата».

- Господи, - пробормотала Нина.

- Он уже убивал раньше, - сказал Монро.

- Или хочет, чтобы мы так думали.

Монро натянуто улыбнулся.

- Он наверняка способен убить и еще раз. С этим, надеюсь, все согласны?

- Да, - ответила она. - Согласна.

У нее защипало в глазах.

- Откуда цитата в начале?

- Пока не знаем.

- С вами все в порядке, Нина? - спросил Олбрич.

Она кивнула, все так же глядя на распечатку.

- Меня просто все достало, только и всего. Кусочек автобиографии - и реквием, ради всего святого. Словно некий безумец предлагает свои услуги.

- Он говорит о себе в третьем лице, - заметил Олбрич. - Не странно ли?

- Не особо, - ответила Нина. - Подобное часто наблюдалось при допросах. Например, Теда Банди. Возможно, для них это один из способов раскрыться. Теоретически таким образом они могут описать преступление, от которого им подсознательно хотелось бы отмежеваться. В случае с Банди это также позволило ему описывать как бы гипотетические ситуации - «Как мне кажется, в данных обстоятельствах убийца действовал бы так-то и так-то», - формально не беря ответственности на себя. О самом файле какая-то информация есть?

- Боюсь, что нет, - сказал Винс. - Диск отформатирован под стандартный персональный компьютер, но на нем нет метки операционной системы; он мог быть записан на чем угодно, от суперкомпьютера до наладонника. В лаборатории этажом ниже сейчас исследуют структуру каталогов, но особого оптимизма у нас на этот счет нет. С диска была тщательно стерта вся информация, прежде чем на него записали эти файлы. Этим явно занимался кто-то, хорошо разбирающийся в компьютерах.

- Что само по себе может оказаться полезной информацией, - заметил Монро.

- Однозначно, - кивнула Нина. - Это означает, что ему меньше пятидесяти и он живет в Европе или Америке.

Монро наклонил голову и посмотрел на нее. Нина решила, что, пожалуй, неплохо было бы в ближайшее время вернуться домой.

– Копию мы отправили в информационный центр в Куантико, – сказал Монро. – Возможно, у них появятся какие-нибудь мысли.

Голос его звучал чуть громче обычного – серьезно, обдуманно, профессионально, – но в нем чувствовались и возбужденные нотки. Этого следовало ожидать: чтобы занять высокий пост в органах правопорядка, нужно постоянно демонстрировать активность. Однако с тех пор, как Нина начала работать вместе с ним, занимаясь поимкой убийцы по имени Гэри Джонсон, который лишил жизни шесть пожилых женщин в Луизиане в середине девяностых, она не сомневалась, что у Монро совсем иные планы и расследование загадок преступного мира являлось для него лишь средством для достижения некоей цели.

Нина не знала в точности, в чем эта цель заключается – политика? желание занять высокий пост? – но она знала, что именно это в числе прочего побуждает его смотреть в глаза родственников жертв со словами: «Мы его поймали, и больше он никому не причинит вреда». Возможно, это выглядело вполне разумно. Нина и сама пыталась иногда поступать так же, вот только угрюмое выражение лиц ее собеседников от этого не слишком менялось. Шесть чьих-то матерей и бабушек умирают преждевременной страшной смертью, а тот, кто это сделал, посажен на всю оставшуюся жизнь в бетонную клетку. Вот только, похоже, это мало кого могло утешить.

Да, конечно, никому не хочется сидеть в тюрьме, и уж точно – в одной из тюрем Луизианы, за убийство в числе прочих двух старых негритянок. Никому не хочется просыпаться каждое утро на узкой железной койке, думая о том, не придет ли сегодня в голову одному из сокамерников, который до сих пор любит собственную мамочку, поднять всем настроение, ткнув тебе в глаз заточенной ложкой.

Однако Нина не верила в то, что большинство убийц в полной мере ощущают весь ужас заключения – просто потому, что осознают происходящее по-другому, не так, как все остальные. В любом случае они продолжают жить. Они едят, спят, испражняются. Они смотрят телевизор и читают комиксы. Они обучаются на всевозможных курсах и подают бесконечные апелляции, отнимающие у всех время, а у государства – деньги, которых хватило бы, чтобы построить

полшколы. Конечно, подобное является их правом. Чего им не приходится – так это лежать в яме, где не слышно ни звука, кроме шороха медленно оседающей земли. Им не приходится спать, плотно прижав руки к бокам, в деревянном ящике, чувствуя, как начинает разлагаться их собственное тело.

Так что, возможно, Монро поступал вполне разумно. Добиться своего, подняться по служебной лестнице. И каждый вечер возвращаться домой к жене, чтобы сытно поужинать перед телевизором, – кто знает, может быть, в новостях однажды покажут и его в роли спасителя мира. И это было бы весьма неплохо. Другое дело, что ФБР не имело прямых полномочий на расследование серийных убийств. Монро поступил туда, чтобы сделать карьеру. А она? Какие причины были у нее?

– Идите домой, Нина, – сказал Монро. – Поспите. Завтра утром вы будете мне нужны в рабочем состоянии.

Нина посмотрела на него, несколько удивленная его тоном, и поняла, что только что попросту отрубилась секунд на тридцать.

Винс смотрел на нее с легким любопытством, Монро – без особой любви. Одному лишь Олбричу хватило вежливости отвести взгляд.

Монро встал и заговорил с Олбричем, явно давая понять Нине, что ее присутствие больше не требуется. Она подождала, пока они не подошли к полицейским в дальней части помещения, а затем повернулась к «супермену в области высоких технологий» и тихо спросила:

– Винс, могу я вас попросить об одной услуге?

Двадцать минут спустя она вышла из здания с сумочкой, в которой что-то лежало, шагнула на тротуар, чувствуя приятное вечернее тепло, и подумала, не пытается ли она добровольно сломать собственную карьеру.

Ей нужно было с кем-нибудь поговорить, но Джон не отвечал на телефонные звонки, и если честно, то положение у него сейчас было не лучше, чем у нее. Она подумала еще об одном варианте.

Да, возможно. Но сперва нужно вернуться домой.

Она не спеша доехала до дома и уже у самых дверей решила, что все-таки стоит позвонить. Стоя возле кухонного стола, она набрала номер. Телефон звонил и звонил, но никто не отвечал.

Она оставила сообщение, чувствуя себя так, словно сама превратилась в автоответчик.

Глава 7

Задняя стена дома миссис Кэмпбелл выходила на небольшой дворик, вид которого говорил о хозяйке больше, чем фасад здания. Я стоял посреди кухни, терпеливо ожидая, пока она закончит звенеть посудой. Мать когда-то говорила мне, что отказаться от кофе или чая в гостях у пожилого человека – значит дать ему понять, что его общество не стоит того, чтобы терять время. Однако я ни малейшего понятия не имел о растениях, так что картина за окном несколько меня не интересовала. Я изо всех сил сдерживался, чтобы не шагнуть к старухе и не схватить ее за горло.

– Мюриэль сама выросла в семье приемных родителей, – сказала она наконец, проводя меня в гостиную. – Она вам не говорила?

– Нет, – ответил я, быстро шагнув вперед и забрав у нее поднос. Не знаю, как полагалось поступать по протоколу, но, судя по тому, что я видел, через десять секунд поднос оказался бы на полу, а у меня не было никакого желания ждать, пока она приготовит новую порцию. – Она просто сказала, что ничем не может мне помочь, и только.

– Вполне возможно. Я знаю ее с тех пор, как она начала там работать. Поначалу ей не очень везло в жизни. Первый муж ее бросил, попутно обворовав дом и к тому же основательно поколотив. Однако со временем дела у нее наладились, она стала заниматься своей работой и многим сумела помочь. К сожалению, слишком многие из тех, кто приходит в тот департамент на Адамс-стрит, забывают, что служащие тоже люди и у них есть своя жизнь.

– Прекрасно понимаю, что это нелегкая работа, – согласился я. – С людьми порой тяжело иметь дело.

– Чертовски верно. Впрочем, среди тех, кто там работает, тоже попадаются изрядные сволочи.

Я рассмеялся. Она одобрительно кивнула.

– Вам следует больше улыбаться, – сказала она. – Так вы выглядите намного лучше. Многие лучше выглядят, когда улыбаются, но вы – особенно. Иначе у вас становится такое лицо, будто вашему собеседнику сейчас не поздоровится.

– Вовсе нет, – ответил я.

– Это вам так кажется.

– Миссис Кэмпбелл, я так понял, что...

– Ладно, к делу. Вы ищете брата, верно? Мюриэль сказала, что, по-вашему, он потерялся в шестьдесят седьмом. Похоже, это и в самом деле так. Собственно говоря, насколько я помню, это был октябрь. Хотя, если честно, память меня порой подводит. Я хорошо запоминаю вещи, но не события.

Я молча кивнул, чувствуя, как внутри у меня все напряглось.

– Его нашел китаец, хозяин магазина. Совсем маленьким. Не знаю, как долго малыш пробыл на улице, но слёз он пролил много и плакал громко.

– У моих родителей были свои причины, – сказал я, внезапно ощутив абсурдную необходимость как-то обосновать поступок, который я сам едва мог понять. – Довольно сложные обстоятельства...

– Не сомневаюсь. По крайней мере, его не бросили в трущобах или в негритянском квартале – уже хоть что-то. Так или иначе, мы знали, что его зовут Пол, поскольку имя было вышито у мальчонки на свитере. Конечно, приемным детям часто выбирают новое имя, но имя Пол так и осталось с ним. Нам не удалось выяснить, откуда он взялся, и его отдали в приют здесь, в городе, где

он провел несколько лет. Обычно найти новый дом для столь симпатичного малыша не так уж трудно, но он так нигде и не прижился.

Я не совсем понял, что она имела в виду, но перебивать не хотелось.

– На какое-то время я потеряла его из виду. Детей много, и каждому нужно чем-то помочь. В следующий раз я услышала о нем, когда начались проблемы.

– Какие проблемы?

– Он проводил несколько месяцев в приемной семье, а потом возвращался назад, намного раньше запланированного срока. Сперва я не обращала на это особого внимания. Подобное порой случается. Но потом... «Знаете, а Пол опять вернулся. Приемная семья не сумела с ним...» Не знаю, как сказать – «справиться», наверное, не слишком подходящее слово. Не вполне. Он просто возвращался, снова и снова. Надо иметь в виду, что в этих семьях заботились о многих детях, и дети чувствовали себя там как дома. Мы отдавали его туда и мысленно с ним прощались, но пять недель спустя я приходила в приют и обнаруживала его сидящим на крыльце. Я спрашивала его, что случилось, и он отвечал мне то же самое, что потом отвечали в семьях: «Не вышло».

Она отхлебнула кофе, словно вспоминая собственные давние ошибки. У всех нас они есть, наши священные иконы, перед которыми мы всю жизнь пытаемся искупить грехи.

– В конце концов было решено поискать для него приемную семью на более долгий срок, возможно насовсем. Я поговорила с Полом и рассказала ему, что мы хотим попытаться сделать. Он молча кивнул – ему тогда было лет шесть или семь, – и что-то подсказало мне, что подобная идея на самом деле его не привлекает и он лишь соглашается с тем, что должно произойти, мол, будь что будет. И я спросила его – ты что, не хочешь иметь настоящую семью? Он посмотрел мне в глаза и ответил: «Она у меня уже была. Теперь ее нет, но когда все будет нормально – я вернусь».

Я почувствовал, как у меня по спине пробежал холодок.

– Он помнил нас?

– Не обязательно. Но он знал, что когда-то все было совсем по-другому. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что его ситуацию не назовешь ни нормальной, ни естественной, а он был очень умным мальчиком. Только и всего. Дети очень часто понимают, что их бросили, лишили той жизни, которая была у них прежде. Даже у тех, кто живет в обычных семьях, возникают подобные мысли. Отсюда и синдром: «Я должна быть прекрасной принцессой» или «Я – король, и когда я плачу – весь мир плачет вместе со мной». То же самое, думаю, было и здесь.

Я много раз смотрел фрагмент видеозаписи, показывавшей, как был брошен ребенок, но никогда по-настоящему не задумывался о том, каким шоком это было для него самого. За последние три месяца я ни разу не пытался представить себе, что он тогда чувствовал, и изо всех сил попробовал сделать это сейчас.

– Прошу прощения, – сказал я, – вы не против, если я закурю?

– Валяйте, – улыбнулась она. – Мой муж курил, так что запах мне нравится. Хотя... вы в курсе, что это смертельно?

– Вовсе нет, – заверил я ее. – Всего лишь слухи, которые распространяют помешанные на спортзалах и собственном здоровье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/marshall_maykl/sluga-smerti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)